

Женя Черняк

ток-шоу
"Семья"

Женя Черняк
Ток-шоу "Семья"

«Литнет»

2021

Черняк Ж.

Ток-шоу "Семья" / Ж. Черняк — «Литнет», 2021

Их жизнь была не такой как у всех. Алкоголь, наркотики, нищета и безнадёга. Но в один прекрасный момент на их долю выпал тот самый счастливый билет, способный всё изменить. Из далёкой Америки им прибывает многомиллионное наследство, заполучить которое они могут лишь выполнив одно обязательное условие: участие в популярном ток-шоу. Такова была воля их покойного отца. Отказавшись от передачи они потеряют возможность вступить в наследство, а их дети продолжат существование в мире полном ненависти и унылого прозябания. Смогут ли герои найти в себе силы, чтобы встретиться с призраками прошлого, или же бросят свалившееся на их голову состояние? Какие тайны им придётся раскрыть миру, чтобы получить шанс на новое будущее? За что отец проклял родных детей много лет назад? Итак, шоу начинается!

© Черняк Ж., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

1 глава. Приглашение	5
2 глава. Сбор семьи	9
3 глава. Семья Вадима	14
4 глава. Кошкин дом	17
5 глава. Утро перед шоу	21
6 глава. Красный свет прожекторов	26
7 глава. Прошлое	31
8 глава. Бедные родственники	35
9 глава. Забвение	39
10 глава. Расспрос с пристрастием	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

1 глава. Приглашение

1 глава. Приглашение

Нелли сидела на кухне с отрешенным видом, выслушивая очередной пьяный лепет мужа. Каждый день был похож на предыдущий. С тех пор, как её благоверного в очередной раз поперли с работы, она вынуждена терпеть его общество, что уже начинало изрядно доставать. Тот не мог ни дня прожить без выпивки, а это в свою очередь заканчивалось скандалами и расшатанными нервами. Их дети, так же как и мать, вынуждены были наблюдать одну и ту же картину изо дня в день. И никто ничего не мог поделать. Выгнать пьяницу из его собственной квартиры было невозможно.

Она всегда считала, что достойна лучшего. Лучшего мужа, лучшей жизни, лучшего будущего, наконец. Нелли не понимала, как смогла докатиться до такого состояния. Ей было всего 36 лет. Она была ещё такая молодая. Казалось, вся жизнь была впереди, но при виде себя в зеркале понимала, что утратила шанс, выпавший ей когда-то. В отражении была не она. Нет. Слишком старая, уставшая, с мешками под глазами. А она не такая. Она другая.

Михаил в очередной раз опрокинул рюмку и угрюмо посмотрел на неё. Раньше он был другим. Пил мало, работал много, заботился о детях, которых взял на воспитание, когда сошёлся с ней. Да, он не был им родным отцом, но никогда не смел говорить об этом вслух. Никогда, пока вдруг старший ребёнок не стащил из его кошелька мелочь, отчего тот пришёл в ярость и выпалил всё что было у него на душе мальчику прямо в глаза. Но это был уже другой Михаил, не тот, который заботился о них. Тот был другим.

— Завтра устроюсь на новую работу. Петруха обещал поговорить с прорабом. Надо бы его отблагодарить, — говорил он заплетающимся языком, а смотрел как будто сквозь неё.

Опять завтра. Завтра то, завтра сё. Так обещал устроиться на работу уже почти месяц, но планы почему-то всё время срывались. То Петя куда-то пропал, то прораб не вышел, то сам Михаил забыл о том, что ему назначена встреча. Но каждый раз уходил из дома в поисках новой работы, только ничего у него так и не выходило.

— И где ты деньги только берёшь на водку? — ворчала Нелли, снова встречая на пороге выпившего мужа. — Лучше б хлеба домой принёс.

— А я всю жизнь хлеб домой ношу. Только вы всего этого не цените. Хоть бы раз доброе слово от тебя услышать. Хоть бы раз не бухтела на меня, тварь.

«Ну вот, теперь ещё и тварью обозвал», — сокрушенно думала женщина, но как и прежде шла на кухню и готовила ему обед. А он, чувствуя себя хозяином, вольготно проходил вслед за ней и, устраиваясь за столом, начинал читать нотации. Чего только не наслушалась Нелли за те годы, которые терпела такое безобразие. И неблагодарная, и свинья такая, и гулящая шалава. Всё зависело от настроения, с которым «хозяин» являлся домой.

Всё переменилось в один прекрасный день, когда в их квартире раздался телефонный звонок. Михаил с приятелем сидели на кухне, попивая дешёвое вино из гранёных стаканов. Они вели такую оживлённую беседу, что не слышали, как неугомонно звенел аппарат. Дети были ещё в школе, а Нелли как раз вернулась с работы. Услышав непрекращающуюся трель телефона, она устало бросила на пол сумки и потянулась к журнальному столику, снимая трубку.

— Алло, — ответила женщина, ожидая услышать голос соседки или кого-то из знакомых.

— Здравствуйте. Мне нужна Нелли Долматова. Не могли бы вы позвать её к телефону, — раздался молодой женский голос, который она никак не узнавала.

— Я Нелли Долматова, — устало ответила она, сбрасывая тесную обувь с опухших ступень.

— Вы? — переспросил голос.

Она вдруг подумала, что это был кто-то из школы. Наверняка кто-то из детей снова чего-нибудь учудил.

— Да, я. Что случилось? — спокойно спросила Нелли.

— Здравствуйте, — ещё раз поздоровалась женщина. — Я редактор ток-шоу «Семья» с федерального канала. Мы сейчас снимаем сюжет, посвящённый смерти вашего отца Егора Долматова, и через пару дней планируем сделать о нём передачу. Мы бы хотели, чтобы вы приняли участие в съёмках. Вы в этом заинтересованы?

Нелли ничего не понимала. Сначала она подумала, что женщина-редактор ошиблась телефоном, но вскоре поняла, что речь могла идти о том, кто много лет назад бросил её и мать, и ушёл из семьи. Но зачем кому-то понадобилось снимать передачу об этом страшном человеке? Он причинил им много горя, после чего навсегда исчез из их жизни. Это не укладывалось у неё в голове.

— Погодите минуту, я сейчас соображу.

Нелли убрала трубку в сторону и скорчив мученическую гримасу, закатила глаза. Мысли путались, мешая думать. Шум из кухни действовал на нервы. Мужики разговаривали на повышенных тонах. Она хотела ворваться к ним и тотчас прекратить пьяный балаган, но не могла сдвинуться с места. Ноги только начинали отходить, но всё ещё были ватными.

— Вы меня слышите? — снова раздалось в трубке. — Я бы хотела с вами встретиться и поговорить. За участие в передаче предусмотрено денежное вознаграждение. Если вы заинтересованы, то дайте мне знать. Не молчите.

— Я вас слышу. Но ничего не понимаю. Вы уверены в том, что не перепутали меня с кем-то?

— Нет, мне нужны именно вы, — решительно повторила женщина. — Ваш отец Егор Долматов оставил семью 23 года назад, после чего эмигрировал в Соединённые Штаты Америки. Там он сумел заработать миллионное состояние. Теперь же, когда его не стало, в Россию приехал его адвокат, разыскивающий наследников покойного. Вот поэтому на нашем канале и готовится передача о его судьбе и судьбе его детей, которые могут претендовать на наследство. Вы понимаете о чём я говорю?

— Вы меня разыгрываете? Это ведь шутка, правда? — с трудом выдавила из себя Нелли.

— Это чистая правда, клянусь вам. Я уже успела связаться с другими членами вашей семьи. Остались только вы.

Нелли с трудом проглотила слюну. Женщина на другом конце провода говорила так убедительно, что не поверить ей было невозможно. Она в отчаянии посмотрела в сторону кухни, на которой вот-вот вспыхнет драка, и твердо сказала:

— Хорошо. Мы встретимся. Но за своё участие я хочу получить не меньше тридцати тысяч.

Она ушла из дома так и не дождавшись детей. Просто выпорхнула словно на крыльях, не желая больше терпеть дебош на кухне. Муж и глазом не моргнул, даже не сообразив, что она вообще приходила. Теперь Нелли Долматова мчалась на всех парах к брату Вадиму, жившего всего в паре домов от неё. Вадим упорно не брал трубку, и она решила лично его навестить, поскольку дело, с которым она к нему шла, не могло ждать.

Звонок не работал с тех самых пор, как он переехал в эту маленькую съёмную квартиру, поэтому она изо всех сил стала бить кулаком о дверь. Через какое-то время щёлкнул замок и дверь распахнула жена Вадима — полная женщина средних лет. Она вытирала влажные руки о льняное полотенце, без особой радости пропуская гостью внутрь.

— Мы сегодня гостей не ждали. Каким ветром тебя занесло? — ворчливо спросила она, закрывая за ней дверь.

— Мне нужен Вадим. Срочно, — решительно заявила Нелли.

— С утра его не видела. Увидишь, скажи, что мне он тоже нужен.

Женщина сверлила её своими маленькими воробыными глазками, отчего стало не по себе. Она никогда её не любила. Скорее между ними была неприязнь, чем родственные отношения.

— И где он может быть? — нетерпеливо спросила Нелли.

— А мне откуда знать? С утра как свинтил, так его и видели. Как будто дел домашних нет. Дверь на балкон не запирается. В туалете лампочка мигает. Ещё чуть-чуть, и перегорит.

Она любила причитать на мужа. Стоило ей поймать чьи-то свободные уши, как тут же принималась сетовать на неудавшуюся жизнь, как будто у кого-то она не такая тяжёлая. Нелли сочувственно относилась к брату, понимая, что всё это он вынужден был выслушивать каждый день, из-за чего и не спешил возвращаться домой. Она смотрела на невестку и мысленно её ненавидела, пропуская мимо ушей всё, что она говорила.

— А телефон почему не отвечает? — вновь спросила Нелли, перебив женщину.

— Так уж третий день как отключён за неуплату. На пиво деньги есть, а на телефон положить — нету. Вот так и живём мы с твоим братцем. Сил больше нет, Нелли.

— Ну, я тогда пойду.

Толстуха ещё что-то говорила ей вслед, но она уже не слушала. «Пусть дурит голову кому-то ещё», — подумала она, покидая злосчастную квартиру.

Выйдя на улицу, она вдруг услышала сигнал мобильного в её сумочке. Женщина торопливо достала смартфон и приложила его к уху.

— Говорят, тебя отключили, — вместо приветствия сказала она. — Только что разговаривала с твоей суженой. Она вся извелась по тебе.

— Брось шутить, Нелли. Тут не до шуток, — раздался хриплый мужской голос через севший динамик старого телефона. — Уже слышала новость? Наш папашка объявился. Угадай где я только что был?

— Понятия не имею. Я повсюду тебя ищу, вообще-то.

— А был я в коллегии адвокатов. Консультировался.

— Говори. — Она сгорала от любопытства.

Вадим сделал протяжную паузу, прежде чем продолжить. Ему всегда нравилось оттягивать торжественный момент, а сейчас был именно такой случай.

— Похоже, наш отец оставил нам половину своего состояния, которое успел сколотить в Америке. Тут правда есть целый ряд оговорок, которые я и уточнял, но, думаю, что через какое-то время наша жизнь круто изменится.

Женщина не верила своим ушам. Она стояла очень тихо, пытаясь вслушаться в каждый звук, который исходил из скрипучего динамика.

— Погоди-погоди. Так это всё правда? Ты не шутишь?

Она не верила тому, что происходит. Казалось, весь мир над ней издевался в этот момент.

— Нелли, сестрёнка, наш придурок-отец оказался очень богатым человеком. И теперь мы будем такими же богачами. Как тебе такая правда?

Она слышала его ликование. Это был не просто возглас счастливого человека, которому улыбнулась удача. Это был настоящий крик, исходящий из глубин его души. Он смеялся ей в трубку, нервно, истерично смеялся, а она лишь беспомощно хлопала глазами, так до конца и не осознавая, как сильно им повезло. Происходящее было похоже на сказку, в которой она была принцессой, нашедшей свою хрустальную туфельку. Так хотелось засмеяться в ответ, но частица её всё же сомневалась.

— Хватит меня разыгрывать, Вадим, — жалобно попросила она. — Так не бывает.

— Ещё как бывает!

— Нет. Всё равно не верю. Не может быть.

Неожиданно Вадим произнёс фразу, которая заставила её насторожиться:

— Правда есть тут один маленький подвох. Ты не поверишь, но кажется наш папаша был тем ещё чудаком. Он поставил одно условие, при соблюдении которого завещание вступит в силу. И это условие нам ещё нужно будет обсудить.

— Я не поняла. Ты уверен, что всё это не развод? Не хочу случайно столкнуться с мошенниками.

— Нет. Тут другое. — Он замялся. — Короче, нужно встретиться с глазу на глаз. Ты сейчас где?

— Стою возле твоего дома.

— Отлично. Будь на месте. Поговорим во дворе. Не хочу, чтобы моя кобра совала свой нос в наши семейные дела. Ей такое знать не полагается.

Нелли уже совсем запуталась в том, что происходит. Ей не нравилось, что брат не рассказал ничего своей жене. Впрочем, возможно это и правда не её дело. В любом случае нужно было сначала выслушать его, а уж потом делать какие-то выводы. Больше всего она боялась завязнуть в какой-то мутной кредитной истории, или попасть под пресс местных разводил. Такое тоже могло быть. Надо было держать ухо востро, ведь если и правда всё это было на самом деле, то она-то свой шанс на лучшую жизнь не упустит.

Через несколько минут примчался брат Вадим. Это был небольшого роста мужичок с протяжной лысиной на голове и небритым лицом. Он был старшим сыном в семье, родившимся всего на полтора года раньше Нелли. От слащавого красавца, коим он был в юношестве не осталось и следа. Сестра помнила те дни, когда сверстницы сходили по нему с ума. К сожалению то время безвозвратно ушло, оставив после себя лишь тень воспоминаний. Теперь о том красавце уже ничего не напоминало.

— Хорошо, что ты ещё здесь, — запыхавшись, сказал он.

— Давай сразу к делу, — нетерпеливо потребовала Нелли, переминаясь с ноги на ногу. — Расскажи, что ты выяснял в коллегии адвокатов.

— Мы разбирались с завещанием, которое он нам оставил. И это очень интересный документ.

— Неужели? Что же в нём такого?

— Не прими за шутку, но для того, чтобы мы смогли вступить в наследство необходимо принять участие в ток-шоу «Семья». Таковы условия, Нелли. Мы все втроём должны принять участие в передаче. Это я и выяснял, будучи у юристов.

Слова, произнесённые братом, вызвали волну внутреннего протеста. Она снова засомневалась в подлинности всей этой истории с завещанием. Разве мог человек, пребывая в полном здравии, прописать такое в своём завещании? Разве что кто-то сыграл с ними злую шутку. Если так, то надо было это немедленно прекратить, иначе она могла запросто лишиться рассудка.

— Это немыслимо, — только и произнесла она.

2 глава. Сбор семьи

2 глава. Сбор семьи

В комнате было пятеро: три женщины и двое мужчин. Во главе стола заседал тучный пожилой человек, с густыми сединами на висках. Все остальные сидели поодаль от него, устремив глаза в его сторону. Нотариус окинул взглядом всех присутствующих, проверяя все ли собрались. Женщина в огромных очках поспешила ему на помощь:

— Все Долматовы в сборе. Можем начинать, — объявила она.

Мужчина перебирал стопку документов. Он открыл один из них и громко произнёс своим хриплым старческим басом:

— Для начала хочу выразить искреннее сочувствие семье усопшего Ивана Долматова. В своей жизни я мало знал людей, любивших своих родных и близких подобно ему.

От этих слов многие в комнате скривили лица. Кем-кем, а добросовестным отцом своих детей тот человек никогда не был. Но старик нотариус мог этого и не знать, поэтому спокойно продолжал, не замечая нервных ёрзаний и хитрых прищуров со стороны присутствующих.

— Письмо, которое я получил было адресовано мне лично, поэтому я не стану предавать его гласности. Скажу лишь, что причина, по которой вы все здесь собрались касается его наследства. Из прочитанного я понял, что Иван Долматов последние годы своей жизни провёл прикованный к постели. Его любимой передачей по ТВ было российское ток-шоу «Семья», поэтому в своём пожелании он выразил надежду на то, что трое его детей примут участие в одном из выпусков, посвящённых ему. В противном случае они лишаются половины наследуемого имущества, которое перейдет на благотворительность.

Вадим сидел в кресле, крепко вцепившись в подлокотники. Услышав последние слова нотариуса, он не выдержал:

— Там что, так и написано? Мы лишимся наследства, если откажемся принимать участие в передаче? Вы серьёзно?

Старик сделал недовольный вид.

— Мы здесь не шутки шутим, молодой человек. Такова последняя воля усопшего.

— С ума сойти. Папаню, видать, совсем понесло, — не унимался Вадим, нервозно усмехаясь.

— Пожалуйста, продолжайте, — заметив замешательство нотариуса, сказала Нелли.

Вадим неуютно поёжился и притих. Старик продолжил:

— Я понимаю ваши чувства. По правде сказать, с таким завещанием я сталкиваюсь впервые в жизни. Но, если верить тем документам, которые у меня на столе, после всех ниже изложенных условий вас ждёт приличный капитал, который покроет все неудобства, которые вы вынуждены будете пережить. — Затем, сделав небольшую паузу, добавил: — И всё же я должен спросить: все ли из вас согласны на те условия, которые изложены в завещании?

Две сестры и брат нервозно переглянулись между собой. Особенно нервничала младшая сестра Вера, которая сидела рядом с Нелли крепко вцепившись ей в руку. Вадим ответил первым, не дожидаясь пока созреют сёстры:

— Если речь идёт о миллионах американских рублей, то это не совсем уместный вопрос. Конечно мы согласны. А как иначе?

Нелли поспешила поддержать брата:

— Мы примем участие в передаче. Пусть будет так.

Молчала лишь Вера, растерянно хлопая ресницами в поисках верного ответа. Все присутствующие в комнате с интересом наблюдали за ней.

— Ну ты чего? — не выдержала Нелли, обнимая младшую сестру.

— Вера, не тормози. Тут речь идёт о миллионах, — вмешался Вадим, сурово глядя на неё.

— Если вам нужно время, чтобы всё обсудить, я не буду вас торопить, — пожал плечами нотариус. — Это семейное дело.

— Да нечего тут обсуждать! — тут же запротестовал Вадим, приподнимаясь со своего места. — Мы будем участвовать в шоу, и точка! Будем все втроём. Не обращайтесь на неё внимания. Она слишком взволнована, чтобы мыслить трезво. Нелли, подтверди.

Вера казалась слишком усталой и нервной для принятия подобных решений. По сему было видно, что она не готова вникать в суть происходящего и не понимала, чего от неё требуют остальные. Она, как и все присутствующие имела не совсем здоровый внешний вид, а отсутствие косметики на опухшем лице говорило об её отрешённости от внешнего мира. Она всегда отличалась наличием странностей в своём поведении, а в последние годы это состояние лишь ухудшилось.

Ещё утром она пребывала в привычной для себя среде, в квартире с двадцатью кошками, скорее напоминавшей питомник домашних животных, чем жилое помещение. Сейчас же её выдернули оттуда ради какого-то непонятого разговора, суть которого заключалась в том, чтобы вернуть её назад в прошлое, какое ей всегда хотелось позабыть. Вера не любила говорить о детстве. Воспоминания тех далёких лет вызывали в ней лишь панические атаки и расстройство желудка, что само по себе было не очень приятно. В голове всплывала одна и та же картина: ругань родителей, издевательство старших брата и сестры, а также постоянные насмешки сверстников. И теперь они снова хотели вернуть её туда.

— Вадим, сходи перекури, — настойчиво произнесла Нелли, утешительно обнимая сестру.

Тот хотел было что-то возразить, но грозный взгляд Нелли заставил его передумать. Он молча вышел в коридор, злобно стиснув зубы.

— Ну чего ты, Вера? Тебе предлагают всего лишь немного посидеть в студии. Обещаю, тебя там никто не обидит. Если хочешь, будешь просто молчать. Говорить там вовсе не обязательно.

Женщина с надеждой посмотрела на старшую сестру. В глазах стояли слёзы.

— Я не хочу участвовать в этой дурацкой передаче, — жалобно заявила она, словно маленькая девочка на руках у матери. — Не пойму зачем вы меня позвали?

— Но если ты не согласишься, то мы лишимся наследства. Говорят, мы почти миллионеры. Ты понимаешь, миллионеры?

— Не заставляй меня заново переживать весь тот кошмар, Нелли. У нас было ужасное детство. Зачем лгать? Я не хочу туда возвращаться ни на день, ни на час. Я слишком долго выбиралась оттуда. Не заставляйте меня, прошу.

Нотариус тяжело вздохнул, откинувшись в глубоком кресле. Его тяжёлое дыхание слышали все в кабинете. Женщина-редактор из ток-шоу нервно барабанила пальцами по столу. Никто не решался произнести ни слова. И лишь Нелли мягко смотрела в глаза своей испуганной сестры, глядя её по жирным волосам, копной сваленных на хрупкие плечи.

— Если бы это зависело от меня, то я ни за что на свете не стала бы тебя беспокоить, — убедительно сказала она, по-прежнему теребя её за волосы. — Но и тут, видишь ли, наш папаша нас переиграл. Если ты откажешься от участия, то ни я, ни Вадим, ни ты не получим ни копейки. А если всё же решишься, то получим много-много денег. Ты понимаешь? И ты сможешь, наконец, купить себе большой дом, построить вольеры для своих котов, и жить припеваючи. У нас будет всё что мы пожелаем. Всё, и даже больше.

— Это какая-то шутка, Нелли. Неужели ты не видишь, что всё это не по-настоящему?

Кажется, до неё начинало доходить, что здесь происходит. Но всё было настолько неправдоподобно, что она наотрез отказывалась в это верить. Она всю жизнь прожила в нищете и пол-

ном одиночестве. Подарок судьбы, о котором ей твердили, был всего лишь иллюзией, потому что везение — это не для них. Это сосед из дома напротив мог выиграть в лотерею автомобиль, или её давняя знакомая с прошлой работы могла запросто найти прямо на дороге потерянную золотую цепочку. Везение — это их удел. Но только не её.

Тут уже не выдержала редактор.

— Детка, дорогая, мы сейчас находимся в кабинете у нотариуса. Он здесь для того, чтобы подтвердить и тебе и твоим родным, что всё это правда. Вас никто не разыгрывает. Ваш отец действительно оставил вам кучу денег, но для того чтобы ими воспользоваться вам придется принять те условия, которые он прописал. И подпись должен поставить каждый из вас, иначе мы разойдемся, и вы забудете о наследстве.

Женщина снова вцепилась в руку сестры.

— Обещаю, Вера, тебе не придётся ничего делать. Я всё время буду с тобой, — пообещала сестра.

Старик тяжело приподнялся и протянул им документ.

— Вот, можете ознакомиться. — И положил рядом ручку. — Один документ, три подписи. Глупо отказываться от шанса быть счастливыми, ведь это то, что ждёт вас в будущем.

Нелли положила лист перед Верой и вложила ей в руку шариковую ручку.

— Вот, подпиши здесь, — подсказала она, указывая пальцем на одну из пустых строк. — Сделаем это вместе. Ну...

Она направила руку сестры, и та послушно сделала то, о чём её так усердно просили. Редактор облегчённо выдохнула. Нотариус лишь усмехнулся.

— Молодец, сестричка. Ты умница, — радостно воскликнула Нелли, ставя подпись вслед за ней.

Вера с подозрением посмотрела на сестру. Та никогда не говорила с ней так ласково как сегодня. Ни тогда, когда умерла их мать, ни тогда как их забрали в детский дом, и уж тем более ни тогда, когда они вновь воссоединились после долгой разлуки уже во взрослом возрасте. Голос её звучал неестественно фальшиво, что не могло не настораживать. Вот Вадим другое дело. Он как всегда был бесцеремонным точно как в детстве. Возраст не смог перебороть его привычки.

— Что ж, осталась подпись старшего брата, после чего я смогу заверить документ, — сказал старик, довольно потирая руки.

— Я позову, — воскликнула Нелли, вскакивая со стула и, забыв про сестру, выскочила из кабинета, оставив её наедине с незнакомыми людьми.

Сигарета нервно дрожала в пухлых пальцах Вадима. Он сделал глубокую затяжку и неторопливо выпустил струю сизого дыма. Ветер быстро унёс дым куда-то вдаль. Нелли вышла на крыльцо маленького серого здания и тут же потянулась в карман за своими сигаретами. Прикурив от протянутой зажигалки, она осталась стоять рядом с ним, неторопливо растягивая момент.

— Как там малая? Согласилась? — нервно усмехнулся он.

Нелли утвердительно кивнула и снова затянулась.

— У неё всегда было не в порядке с головой. Не удивлюсь если все деньги спустит на своих кошек.

— Да плевать. Главное, что подписала, — хладнокровно ответила Нелли.

— И надо ж было старику такое учудить. Наверное, под старость совсем кукуха поехала. Теперь я понимаю в кого пошла Верка.

— Лишь бы на телеке ничего не выкинула. Ты понимаешь, что нам придётся светить мордами на всю страну?

— Да уж. И от жены не утаишь. — Ухмылка Вадима стала какой-то жёсткой, злой.

Нелли чуть не подавилась сигаретой.

— Ты до сих пор ей не рассказал?

— Ещё нет. И не собирался, вообще-то. Брошу её, как только всё закончится.

— Ты уже её десять лет бросаешь. — Она с укором посмотрела на него. — Я своему тоже ничего не говорила. Уже который день не просыхает. Сил нет.

Они игриво переглянулись, каждый думая о своём. Он мечтал о том, что уходит от своей толстушки жены, а она представляла, как громко хлопает дверью перед лицом мужа алкаша. Они почувствовали, что мысли их сошлись и громко рассмеялись. Будущее виделось им примерно одинаково, и они сделают всё, чтобы этим планам ничего не помешало. Напряжение сменилось лёгкой расслабленностью. Предвкушение денег наступало с каждой минутой, поскольку осознание происходящего всё отчётливей впечатывалось в их головы.

Внезапно на порог крыльца выбежала редактор. Сквозь затемнённые линзы очков проступал ошеломлённый взгляд.

— Скорее! Вашей сестре не хорошо. Она наотрез отказывается продолжать. У неё истерика.

Нелли и Вадим мигом бросились назад в здание. Такого фокуса никто не ожидал.

— Не надо было оставлять её одну, — нервно пробормотала Нелли, обгоняя в коридоре волочившуюся женщину.

Вадим торопливо следовал за ней. Как только они забежали в кабинет нотариуса, то увидели, что Вера лежала на полу и судорожно билась в истерике. Тучная фигура старика неизменно оставалась восседать в своём кресле. Он молча наблюдал за женщиной, не решаясь предпринять какие-либо действия. Из уст сестры доносилось лишь невнятное «не хочу». Нелли упала перед ней на колени и попыталась приобнять, но та никак не хотела сдаваться. Её конвульсивные движения не поддавались контролю.

— Успокойся, дорогая. Всё хорошо. Всё хорошо, — словно мантру повторяла Нелли, пытаясь поймать непослушные руки сестры.

— У неё приступ! Нужно срочно вызвать скорую! — взбудоражено воскликнул нотариус.

— Сейчас всё пройдёт, — нервно ответил Вадим, оставаясь стоять на пороге кабинета. — Такое бывает. У неё это с детства.

— Ну дела, — выдохнул старик.

Наконец Нелли сумела немного сбавить пыл зарвавшейся сестры. Она крепко прижала её к себе, и та потихоньку стала угасать. Все в кабинете стояли не шевелясь, боясь спугнуть настороженную женщину, что снова могло привести к внезапному приступу.

— Я увезу тебя к себе. Ты давно у меня не была, — говорила Нелли, заботливо обнимая сестру.

— Нет. Я хочу домой.

— Ладно. Тогда поедem домой.

Женщина редактор осторожно приблизилась к ним и, присев рядом на корточки, участливо коснулась плеча Веры.

— Если вам плохо, то мы можем снять сюжет про вас в последнюю очередь. В любом случае это может подождать до завтра.

Сёстры настороженно уставились на неё.

— О чём вы говорите? — с непониманием спросила Нелли.

— О, я забыла вам сказать. Перед передачей необходимо снять о каждом из вас сюжет. Такова политика передачи. Если вы смотрели наши выпуски, то понимаете о чём я говорю.

— Да вы издеваетесь?

— Извините, но таковы правила.

— А когда планируется съёмка самого ток-шоу? — неожиданно встрял Вадим.

— В пятницу. Шеф сказал, что пятница у нас свободна.

Вера испуганно прижалась к Нелли. Она никак не реагировала на её слова, и тогда Нелли сказала:

— Пятница уже послезавтра. Мы справимся. Я её подготовлю.

Сидевший всё это время в кресле нотариус удивлённо наблюдал за этой жалкой картиной. Он устало смотрел на семейство Долматовых, не понимая, как таким убогим людям могло так повезти в жизни. Вадим в его глазах был скрягой и эгоистом, Вера тщедушной психичкой, а Нелли, самая разумная из всех, была изрядно измотана жизнью, из-за чего выглядела старше своих лет. И всем им вскоре предстояло стать долларовыми миллионерами. «Нет, жизнь слишком неблагодарна», — думал он, умилённо взирая на всех троих. Он не знал, осознавали ли они как сказочно им повезло, но точно знал лишь одно: вряд ли кто-то из них сможет грамотно воспользоваться состоянием, которое оставил им отец.

— Вадим Долматов, осталось поставить лишь вашу подпись. Надеюсь, вы не передумали? — ехидно поинтересовался он.

Мужчина решительно подошёл к столу и без колебаний расписался в документе.

— Не дождётесь, — усмехнулся он, возвращая бумагу нотариусу.

— Трудно вам придётся, — подмигнул ему старик. — Я имею ввиду передачу.

Вадим злорадно сверкнул глазами и обернулся в сторону сестёр.

— Что ж поделать? Семью не выбирают. Как-нибудь прорвёмся, — совсем тихо произнес он, стараясь, чтобы его слова услышал лишь старик.

3 глава. Семья Вадима

Первым в квартиру вошёл оператор с включённой камерой. Вслед за ним последовала женщина редактор, держа в руке миниатюрный микрофон. В ноздри ударил тухлый запах застоявшегося воздуха. На минуту обоим стало не по себе, но умудрённые опытом, оба поняли, что скоро привыкнут и уже ничего не будут чувствовать.

Встречала их хозяйка, жена Вадима, — толстая низкорослая женщина с пышной копной крашенных волос на голове, которые уже успели изрядно отрасти, обнажив седину. На груди у неё была выцветшая блузка времён черкизовского рынка. Она улыбалась во все свои оставшиеся зубы, как будто демонстрируя золотые коронки. Редактор прошла вглубь квартиры, а оператор задержался в пороге, как следует запечатлив женщину со всех сторон. Та смущённо кружилась по прихожей, не зная куда себя деть, — то ли последовать за редактором, то ли продолжать позировать на камеру.

— Это у вас гостиная, я полагаю? — донеслось из комнаты, в которой скрылась гостья с микрофоном.

Услышав её, хозяйка поспешила на голос.

— Да, зал. У нас тут всего одна комната, она и гостиная, и спальня. Живём скромно, сами видите, — как бы извиняясь добавила она. — Но что поделать. В тесноте да не в обиде. Ютимся как никак.

— А детей у вас нет? — спросила редактор, прохаживаясь по стоптанному ковру.

Она поймала себя на мысли, что если бы женщина попросила у неё снять обувь, то ни за что на свете не стала бы это делать, настолько ужасным выглядел пол.

— Нет. Так за столько лет и не решились, — торопливо ответила толстуха.

Оператор намётанным глазом видел всё, что требовалось заснять. Он проводил линзой объектива по потрёпанному дивану, снимая старые оборванные обои, свисавшие под самым потолком, пожелтевшую от времени люстру, испарянный шкаф. От всего этого хозяйке квартиры становилось не по себе. Ей внезапно стало стыдно перед гостями за своё убранство, отчего молча стояла посреди комнаты с налившемся краской лицом, ожидая порицания. Но для опытных журналистов такая квартира была не в диковинку. За годы работы в ток-шоу они побывали в десятках подобных мест.

— А можете открыть шкаф?

— Зачем?

Женщина аж похолодела от страха, что кто-то увидит тот беспорядок, который творился внутри обветшавшего короба.

— Нам нужно заснять в каких условиях вы проживаете. Это обычное дело. Не волнуйтесь.

— Так снимайте. Я ж вам не мешаю. Только в шкаф лазить не дам.

Она почувствовала лёгкую тряску в ногах. Редактор заметила её замешательство и поспешила успокоить испуганную женщину.

— Вы не понимаете. Тут фишка в том, что надо показать в каких тяжёлых условиях живёт ваша семья перед тем как зрители увидят какое наследство вам выпало. Это такой эффект неожиданности, когда на глазах у миллионов людей преобразуется жизнь одной отдельной семьи. Это как до и после. Поймите, это необходимо сделать.

— Я не в восторге от вас, — покорно заключила женщина, отступая от шкафа.

— Извините, но мы с вашим мужем заключили договор. За этот сюжет вы получаете сорок тысяч рублей, так что не стоит нам препятствовать.

Толстуха удивлённо вскинула брови.

— Сколько?! А мне он сказал двадцать.

— Это уже ваши проблемы. Разрешите продолжить.

Редактор потянула на себя скрипучую створку шкафа, оголив грудку сваленных в кучу тряпок. Со всего было видно, что порядка в шкафу не было с незапамятных времён. Запах стоял отвратительный. Оператор оживлённо снимал всё, что видела камера. Разве что она не могла передать вонь старых вещей, безобразно разбросанных по покоробленным полкам. Долго этого выносить было невозможно, поэтому редактор поспешила прикрыть дверцу.

— А где у вас кухня? — спросила она.

— Я покажу, — недовольно рявкнула толстуха, уводя их из зала.

На кухне была похожая картина. Груда немытой посуды была безобразно свалена в грязной от жира мойке. Стол был протёрт наспех. Об этом свидетельствовали крошки, разбросанные рядом на полу. Опять отлипшие обои, сор в углах кухни и грязные занавески на окнах. Удручающая картина для зрителей одного из самых популярных ток-шоу на российском телевидении.

Толстуха стояла у порога кухни, продолжая краснеть перед гостями. Она с досадой наблюдала как камера заглядывала в кастрюлю с прокисшим борщом, в немытые от утреннего чая чашки, в пустой холодильник, наконец. Её всё это начинало доставать, но полученная накануне двадцатка грела карман, и поэтому она не решалась прекратить репортёрскую вакханалию у себя дома. «А вдруг не станут пускать в эфир эти кадры», — думала она в тот момент, когда редактор продолжала нагло раскрывать липкие навесные шкафчики.

Вскоре явился Вадим с дешёвым букетом цветов. Он торжественно открыл входную дверь и улыбаясь заявился в квартиру. Оператор с камерой тут же исчез из кухни и переместился в прихожую, снимая срежессированный приход главы дома. Толстуха в этот момент думала лишь о том, что он утаил половину денег, полученных от редактора. Её всю перебирало от злости, но вида не показывала.

— Дорогая, я дома, — торжественно объявил Вадим, изображая фальшивую улыбку на пухлом морщинистом лице.

В прихожей появилась тучная фигура жены. Камера была так близко от её лица, что хотелось ударить оператора.

— Привет, дорогой. О, — она изобразила удивление. — Это мне? Как приятно.

Она неумело приняла цветы, а муж поспешил отвесить ей смачный поцелуй в щёку. От этой картины редактору стало не по себе.

— Стойте, — внезапно запротестовала она. — Так не пойдёт. Слишком наигранно.

— В смысле наигранно? — не поняла жена, еле сдерживаясь чтобы окончательно не взорваться.

— Для телезрителей важно поверить в происходящее, или хотя бы сделать вид, что всё, что происходит на экране похоже на правду, — поспешила объяснить редактор, поправляя затемнённые очки. — Вадим, вы слишком широко улыбаетесь и громко говорите. Постарайтесь сделать вид, будто это ваш обычным приход домой.

Мужчина озадаченно пожал плечами и забрал назад букет.

— Давайте заново.

Он вышел за дверь и вскоре снова открыл её. На этот раз его лицо было сурово как никогда, отчего букет цветов в руках выглядел нелепо. Сначала он растерянно оглядел прихожую, затем кинул беглый взгляд на оператора, на редактора, и только потом устремился к жене, томно ожидавшей его в сторонке.

— Дорогая, я дома, — вяло повторил он, протягивая цветы толстухе. — Вот, это тебе.

Женщина через силу выдавила жалкое подобие улыбки, принимая подарок от мужа.

— Как неожиданно, — выдохнула она.

На этот раз покачал головой оператор.

— Теперь не доигрывают, — тихо прошептал он.

После нескольких неудачных дублей все пришли к выводу, что лучше оставить затею с радужным приходом Вадима. Актёры из них не очень, а портить сюжет никому не хотелось. Поэтому вскоре перешли к интервью. Устроились в зале на потёртом диване. Вадим сидел на одном краю, а его жена на другом. Повсюду витало чувство супружеской небрежности.

— Расскажите о том, как вы познакомились, — попросила редактор, стоя за спиной у оператора.

Супруги настороженно переглянулись.

— Я её встретил на рынке. Мясом торговала, — начал Вадим, из подо лба поглядывая на жену. — Долго не могли сойтись в цене. Я привык брать грудинку подешевле, а она настаивала на том, что у неё всё домашнее, высший сорт. Чуть не поругались.

— Правда? И кто кому уступил?

— Вадим, — нервно перебила его толстуха. — Какое мясо? Я с роду на рынке не торговала.

— Ах, да. Это ж не ты была. Попутал с Валюхой с Чертаново.

Он усмехнулся, вспоминая события тех дней, и удрученно потупил взор.

— Ну ты баран, — зло прошипела жена.

Интервью не задалось с самого начала. Мужчина всё время путался в именах и датах, а его жена постоянно одёргивала незадачливого супруга, порой срываясь на крик. После более чем трёх часов пребывания в зловонной квартире, они наконец её покинули, отсняв солидный кусок непригодного для монтажа материала. Показать быт семейной пары было весьма проблематично, поскольку всё выглядело так, будто они живут в полной нищете и сумасбродство, что, в принципе, было не так уж далеко от истины.

В любом случае что показывать, а что нет, будет решать режиссёр передачи. А им предстояло продолжать снимать сюжет о семьях счастливиц, которым вскоре предстояло несметно разбогатеть. Впереди их ждала семья Нелли Долматовой, а после самое трудное — посещение жилища младшей сестры Веры, которая изначально была не в восторге от их визита.

4 глава. Кошкин дом

Съёмка в квартире Нелли Долматовой прошла на ура. Мужа Михаила жена так и не поставила в известность по поводу упавшего с неба наследства, поэтому удалось управиться без него. За пару часов отсняли весь маломайски быт её семьи. Двое малолетних детей без стеснения позировали перед камерой, в то время как их мать рассказывала о том, как справляется с хозяйством в гордом одиночестве.

После завершения всех работ отправились на окраину Москвы в гости к Вере. Полу деревня-полу город встретил их печальным пейзажем, от которого становилось не по себе. Вокруг вместо домов стояли ветхие строения и покоробленные бараки, в которых до сих пор жили люди целыми семьями. Местная ребятня пробегала вокруг появившегося со стороны МКАДа автомобиля, с интересом разглядывая прибывших. Дорога была изрядно разбита, из-за чего приходилось медленно катиться вдоль унылой улицы.

Нелли не могла оставить сестру на растерзание репортёрам одну, поэтому вызвалась приехать вместе с ними. Редактор была не против, хорошо помня вчерашний нервный припадок Веры Долматовой. Нелли указала водителю на неприметный старенький домик в конце улицы. Объехав огромную лужу, он тихо подкатил к нему. С виду дом был нежилой, но женщина уверила, что там кипит жизнь, и они вышли из автомобиля.

— Идём, я вас проведу, — сказала она, распахивая перед репортёрами осевшую калитку. Те последовали за ней, обходя остатки некогда лежавшего здесь асфальта.

Дом встретил их таким сильным смрадом, что посещение квартиры Вадима показалось детской прогулкой. Повсюду шныряли кошки, выныривая из ниоткуда и проползая мимо их ног, задевая гостей пушистыми хвостами. Оператору было что снимать. Ещё с порога ему открылась картина убогого жилища, состоящего из старой исцарапанной мебели, гнилого скрипучего пола и клоков кошачьей шерсти, разбросанных тут повсюду. Даже Нелли была неприятно удивлена состоянием дома сестры, которую не посещала уже несколько месяцев.

— Вера, мы пришли! — громко позвала Нелли, проходя вдоль серого коридора. — Вера! — Тут я, — тихо отозвалась сестра.

Её слабый голос доносился из большой комнаты, которую принято было называть гостиной, только это было не совсем так. С тех пор как она несколько лет назад стала подбирать и приносить в дом бездомных животных, её дом постепенно стал превращаться в сарай, поскольку вмещал в себя несколько десятков кошек и котов. Поддерживать чистоту в таких условиях не представлялось возможным, поэтому ей приходилось мириться с убогой обстановкой, в которой она оказалась. Кошачьи экскременты и невыносимое зловоние стали для неё обыденным делом, поскольку она уже давно не замечала творившего вокруг себя хаоса.

Для Нелли такая картина была не совсем привычным делом. Она не могла понять как можно было довести себя до такого состояния. Не то, чтобы её квартира была устлана дорожками коврами и прочими радостями, но по крайней мере она постоянно поддерживала в доме чистоту, потому как оставить всё на самотёк означало привести себя к тому состоянию, которое граничило с тихим ужасом. Муж Михаил постоянно разбрасывал по квартире вещи, а она раз за разом за ним убиралась, да ещё и за детьми. В случае Веры, это надо было делать постоянно, но судя по ней, женщина уже давно махнула на себя рукой. И всё-таки видеть её в таком бардаке было дико и невероятно сложно.

Количество кошек, бродивших по дому не поддавалось счёту. Казалось, она собрала у себя всех бездомных животных района. Их постоянный писк и мурлыканье больно било по ушам, а вонь вообще терпеть было невозможно. Все гости чувствовали примерно одно и то же, однако хозяйку это совсем не беспокоило.

Вера сидела в старом грязном кресле посреди гнетущей разрухи, держа у себя на коленях двоих маленьких котят. Она не скрывала недовольства по поводу визита съёмочной группы, по-прежнему относясь к ним как к шарлатанам.

— Сесть не предлагаю. Как видите, некуда, — сухо сказала она, поглаживая мелких котят.

— Ох сестра, как же ты так запустилась, — начала было сетовать Нелли, но та её мигом одёрнула:

— Не начинай, Нелли. Я живу так, как мне нравится. Ты живёшь так, как тебе нравится.

Возразить было нечего, поскольку жизнь с пьяницей и дебоширом мало чем отличалась от унылого прозябания в этих ветхих застенках. Они обе некогда сделали выбор, и теперь с лихвой расплачивались каждая за свой.

— А мы можем провести интервью на улице? — неожиданно спросила редактор, прикрывая нос платком. — Там нам будет гораздо удобнее.

— Да, думаю, что можем, — спохватилась Нелли, с мольбой в глазах обращаясь к сестре. — Правда, Вера?

— Как хотите. Если вам не по душе мои хоромы, то можем и на улице.

Она осторожно переложила котят на пол и встала.

— Ты как? — спросила Нелли.

— Отлично, — как ни в чём не бывало ответила Вера. — Ну, раз уж вам не по душе апартаменты миллионерши, то прошу всех во двор к моему персональному бассейну. — И поспешила из дома, уводя за рукав сестру.

Женщина репортёр обратилась к оператору, который чуть не последовал за ними:

— А ты куда спешишь? Сначала отними тут всё. Кошек этих, посуду. Короче, сам знаешь. А потом иди к нам. Я их пока подучу как и чего. Давай.

Хлопнув поникшего оператора по плечу, она вышла из дома, оставив его один на один с целой ордой орущих котов, которые, казалось, готовы были накинуться на него и съесть. Неуютно поёжившись, он принялся спешно снимать всё на камеру, понимая, что единственный вариант выбраться наружу к остальным, это поскорее тут закончить.

Локация во дворе была подобрана на фоне накрённого сарая, поскольку лучшего вида для интервью найти не представлялось возможным. Повсюду была грязь, разруха и уныние.

Оператор установил камеру на треноге, после закрепил миниатюрные микрофоны на одежде героини сюжета Вере. Старшая сестра осталась стоять позади камеры. Здесь она была скорее для моральной поддержки, нежели для чего-то ещё. Редактор настояла на том, чтобы она обязательно присутствовала, и в случае очередного нервного припадка могла оказать помощь. Женщина не возражала. На кону стояли очень большие деньги, рисковать которыми ей очень не хотелось.

Редактор также стояла в стороне, тщательно протирая платком запотевшие очки. Она была по другую руку от камеры, специально, чтобы также не попасть в глаз объектива. Её вообще не должно быть в кадре, а если вдруг случайно и попадёт, то в монтажной её непременно вырежут. Тут героиней была Вера, её они и будут снимать. Та, в свою очередь почти не нервничала, но незнакомых людей всё же опасалась. И всё-таки стены дома ободряюще действовали на неё, несмотря на их удручающий вид. Женщина сидела на дубовой колоде, сложив на груди руки, в ожидании дальнейших указаний. Нелли ободряюще смотрела на сестру.

— Ну как, готово? — спросила редактор, закончив протирать запотевшие линзы.

Оператор утвердительно кивнул в ответ.

— Отлично. Вера?

Женщина слегка напряглась, но тоже мотнула головой. Нелли не отводила от неё своих глаз, и та одарила её спокойной непринуждённой улыбкой, как бы показывая, что всё хорошо.

— Вера, расскажи, глядя в камеру, как ты оказалась в этом доме.

Слегка смутившись, она ответила:

— Это жильё мне выделили после учебы. Я являюсь сиротой, а сиротам положено своё жильё. Вот администрация мне и выделила этот барак. Тут конечно же окраина, даже отшиб, можно сказать, но я не жалуясь. Живу тут уже почти пятнадцать лет. Как-то так. — Она говорила ровно, без запинки, что вселяло надежду на удачное продолжение.

— Расскажи какие удобства в доме, — попросила редактор.

— Удобств в доме нет никаких. Газ идёт по улице. Газ дорогой. Топлюсь дровами. Вот, — она хлопнула колоду, на которой сидела, — вот на этой самой колоде я их и рублю. Мне никто отродясь не помогает. Всё сама.

— А туалет, ванная?

— Туалет на улице. Ванной в доме нет и никогда не было. Все гигиенические процедуры приходится выполнять на улице. Если сильно холодно, то обхожусь без них. За столько лет привыкла уже.

— А душ?

— Моюсь очень редко, — как ни в чём не бывало продолжила Вера. — В бане не была очень давно. Разве что у сестры пару раз мылась, когда в гостях была. Но это было очень давно. В том году, что ли? Нелли, ты не припомнить, когда я в последний раз у тебя гостила?

Нелли растерянно поёжилась и тут же покраснелась. Ей было стыдно за сестру, которая перед телекамерой федерального канала рассказывала подробности своего человеческого забвения.

— Ты не была у меня три года, — еле выдавила она из себя.

И несмотря на то, что в этот момент камера была направлена на сестру, а не на неё, ей всё равно было не по себе. Она уже представляла себе как в студии ведущий ток-шоу пилит её ехидным взглядом, осуждая за то, в какой плачевной ситуации оказалась младшая сестра и дочь покойного миллионера Долматова.

— Я и подумать не могла что так долго, — задумчиво потупилась Вера. — Ну конечно, я не была у тебя после того как меня выгнал твой муж. Он в тот вечер был пьян и всё время как-то странно смотрел на меня. Смотрел, будто я ему чего-то должна. Помнишь, Нелли, он тогда ещё скандал закатил? Я думала, что мне перепадёт и свалила оттуда.

Редактор тут же уставилась на Нелли.

— Вы нам об этом не рассказывали.

— К делу не относится, — тихо ответила Нелли, сгорая от стыда.

— Ладно. Окей, — как бы перезагружая свой мозг проговорила редактор. — Вера, расскажите как вы очутились в детском доме. Зрителям будет интересно узнать о вашей тяжелой судьбе.

Последовала долгая мучительная пауза, после которой кошатница вдруг оживлённо заговорила, как будто её внезапно прорвало:

— Там вообще тяжёлая ситуация была. Когда ушёл папа, мама стала прикладываться к спиртному. Мы долгое время были сами по себе. Таскались по чердакам, гаражам, заброшкам всяким. — Она с грустью посмотрела на сестру, но та как будто её не замечала. — Всё стало рушиться. Мы думали, что станет лучше, обойдётся, но ничего так и не наладилось. В принципе, с того всё и кануло в пропасть. Вся наша жизнь.

— Всё стало рушиться ещё раньше, Вера, — неожиданно встряла Нелли. — Ты же знаешь.

— Нет. Вы все думаете, что причиной наших бед был папа, но это не так. Пока он не ушёл мы были семьёй, а после всё рухнуло в один момент. И до сих пор ничего не изменилось.

— Лучше молчи об этом.

Вера насторожилась. Это обстоятельство не смогло улизнуть от пристального взора редактора.

— Предлагаю развить эту тему, — осторожно предложила она. — Вера, можешь ли ты рассказать, что явилось причиной ухода вашего отца? По словам Вадима, до его ухода у вас была крепкая сплочённая семья, хорошие апартаменты в центре города, завидное положение в обществе. Неужели всё это правда?

— А почему нет? Думаете мы всегда были похожи на нищелюбов? Это не так.

— А как было, Вера? — терпеливо наседала редактор, сверкая огромными очками. — Отец бизнесмен, мать домохозяйка, дети в новой модной одежде и кучей дорогих игрушек. Так всё было, Вера?

— Вы и так всё знаете, — снова встряла старшая сестра. — Незачем ворошить прошлое, когда никто не хочет его вспоминать.

— А чем, по-вашему, вы будете заниматься в студии?

Веру стало трясти, но не так как в кабинете у нотариуса, а как-то по-другому, как от озноба. Это заметили все присутствующие, отчего сразу же замолчали, опасаясь нового нервного срыва. Нелли тут же кинулась обнимать сестру, а редактор молчаливо отстранилась ближе к оператору. Мужчина до последнего не убирал камеру.

— Вы снова её доводите. Я предупреждала: никаких разговоров о прошлом.

— Но Нелли... — хотела оправдаться редактор, однако слова не находились, и она просто замолкла.

— Тише, зайка. Всё хорошо. Ну их, этих журналистов. Им лишь бы нервы потрепать.

Уходить никто из съёмочной группы не собирался. Им нужно было отснять подготовительный материал для большого сюжета программы, и они ни в коем случае не собирались отступать. Редактор решила дать немного времени сёстрам, чтобы прийти в себя, а после они продолжат. И пусть хоть каждую минуту изображают из себя жертв домашнего насилия, или кого там ещё, она всё равно никуда не уйдёт пока не закончит своё дело. Отойдя немного в сторонку, она достала из кармана куртки сигарету и закурила, на секунду отстранившись от того дурдома, в котором вынуждена была прибывать. Через пару минут она снова ринется в бой, а пока пусть передохнут, ведь впереди их ждали по-настоящему каверзные вопросы.

5 глава. Утро перед шоу

Будильник трезвонил без умолку, разбудив каждого в этой квартире. Это был очень старый ещё советский аппарат, который безотказно срабатывал каждое утро, выполняя одну и ту же функцию много лет. Вялая худощавая рука сонно скользнула по прикроватной тумбочке в поиске злосчастного нарушителя тишины и, наконец, нащупав его холодный металлический корпус, властно выключила его. В комнате снова наступила тишина, нарушаемая лишь слабыми отзвуками проезжающих за окном машин.

Пролежав в постели ещё какое-то время, Нелли с трудом смогла оторваться от подушки. Потерев сонливые глаза, она бодро встряхнула голову, прогоняя окутавший её разум сон, но он так просто не собирался покидать её тело. Тогда она неохотно приподнялась в постели и взглянула на неподвижное тело мужа, который никак не отреагировал на трезвон будильника. Испытав к нему очередную волну отвращения, она с кислой миной на лице отвернулась, снова и снова потряхивая головой. Она уже давно ненавидела это мерзопакостное существо, лениво окутавшее её постель. Из-за него в комнате стоял стойкий запах перегара, который она вынуждена была терпеть на протяжении многих последних лет. Переборов пренебрежение, она встала с постели и бодро вышла в коридор, тихо прикрыв за собой дверь, чтобы не дай бог разбудить «существо».

Она до сих пор словом не обмолвилась о выпавшем на её долю наследстве. Нелли считала, что если дело на самом деле выгорит, то места в её новой счастливой жизни для него не будет. Уж слишком много времени и здоровья она положила на тленное прозябание рядом с ним, человеком, постепенно превратившим её жизнь и жизнь её детей в ад. Постоянные пьянки и скандалы со временем стали для них нормой. А теперь ещё он стал безработным. Не то, чтобы это было впервые, только такой длительной паузы у них ещё никогда не было. Содержать на свою крохотную зарплату уборщицы целую семью было для неё непосильной ношей. Только кого это волновало?

Первым делом женщина зашла в ванную и ополоснула лицо холодной водой. Она с отвращением посмотрела на треснувшее на стене зеркало, в котором было отражение незнакомой ей женщины с тяжёлыми мешками под глазами, морщинистой кожей и проблесками седины на голове. Она уже давно себя не узнавала. Ей не нравилось смотреть в своё отражение, искажавшее её настоящую, ту, которой она некогда была. Это было неправильное зеркало.

На кухне царил настоящий бедлам. Горы немытой посуды были сгружены в умывальник. Стол был усыпан хлебными крошками, пустыми рюмками и заполненной до верха пепельницей. На полу было также грязно. Таковы были последствия вчерашней попойки, которую устроил Михаил на пару с каким-то своим дружком. Принеся из коридора веник и совок, она первым делом стала сгребать сор в кучу, постепенно приводя кухню в божеский вид. И так было практически каждое утро. Подобно дню сурка, она каждый раз вставала раньше остальных, брела на кухню с веником и половой тряпкой в руках и оттирала последствия вечерних посиделок. И всё это нужно было сделать с самого утра, чтобы дети перед школой не оказались перед всей этой ущербной картиной, поэтому будить их она станет чуть позже, когда управится со всем этим беспорядком.

Ближе к семи часам утра кухня приобрела уже более-менее прилежный вид. Конечно, бедственное положение выдавали потрёпанные на стенах обои и облезлый от краски пол, но всё же было вполне чисто и уютно, нежели часом ранее. На плите засвистел чайник. Отключив газ, она разлила кипяток по чашкам и тщательно их размешала. Чай был готов, бутерброды на столе. Можно было поднимать детей.

В спальню она вошла тихо, почти бесшумно. На двухъярусной кровати мирно спали её дети. Снизу, свернувшись в комок, лежал Семён. Ему было одиннадцать лет, и он был пер-

венцем Нелли, которого она родила, будучи в браке с другим пропойцем, окончившим свою никчёмную жизнь болтаясь в каком-то заброшенном бараке с петлёй на шее. Да, с мужчинами ей никогда не везло. Однако от них ей доставались маленькие радости, дети, которые были яркими лучиками света в этом тёмном мире нищеты и греха.

Сверху спала маленькая Настя. Семилетняя девочка была рождена вне брака от очередного нетрезвого ухажёра, имя которого до сих пор она не могла вспомнить. После смерти первого мужа Нелли часто вступала в отношения с мужчинами, не думая о последствиях, результатом чего и стало зачатие Насти. В последствии её вместе с двумя малолетними детьми и подобрал Михаил, будучи в то время не таким конченным человеком. У него была стабильная работа на заводе, квартира, в которую он их и забрал, а также светлые планы на будущее, которым, как она потом поняла, не суждено было сбыться. Но о детях он заботился всегда, несмотря на статус отчима. И только за это она была ему благодарна, хоть эта благодарность и стоила ей слишком дорого.

— Дети, дети, просыпайтесь, — с присущей ей теплотой в голосе произнесла Нелли, как будто боялась потревожить их невинный сон. — Семён, Настя. Пора собираться в школу. Дети.

Мальчик неуютно поёрзал в кровати, не торопясь открывать глаза, а вот девочка поднялась почти сразу, зевая во весь рот. В отличие от брата ей нравилась школа. Это был её первый учебный год, и она всегда с радостью шла с мамой и старшим братом с рюкзаком на плечах, чувствуя себя открывателем новых миров.

— Доброе утро, милая, — произнесла Нелли, поглаживая дочь по выющимся волосам.

— Доброе утро, мамочка, — улыбнулась в ответ Настя, протягивая к ней свои маленькие ручонки.

Нелли подхватила с кровати дочь и опустила на пол.

— Давай скорей на кухню. Кто первым съест бутерброд, тому приз!

Девочка безоговорочно побежала из спальни. Семён также неряшливо откинул одеяло.

— Привет, мой мальчик. Иди скорей на кухню, а то приз достанется твоей сестре.

Семён не особо торопился. Он знал, что независимо от того, кто победит, вкусняшка достанется им обоим. Мать никогда не обделяла кого-то своим вниманием, а посему игра, которую она часто затевала, была призвана всего лишь подогреть в них интерес к скорейшему пробуждению.

— Доброе утро, мам, — вяло улыбнулся он, с нежностью глядя на мать. — Ты вчера поздно вернулась. Где ты была?

Он знал, что она отправилась вместе со съёмочной группой в дом тёти Веры, но не думал, что это займёт так много времени. Вчерашний визит на окраину города закончился в сумерках, после чего потребовалось не меньше часа для того, чтобы добраться домой. Когда Нелли вошла в квартиру, дети уже спали, а пьяный муж с сигаретой в зубах встречал её с отрешённым видом, явно ничего не соображая.

— Ты не говорил отцу куда я поехала? — настороженно спросила она.

— Нет. Он и не спрашивал. Весь вечер просидел с каким-то мужиком на кухне, а после того, как тот ушёл, долго разговаривал сам с собой.

— Хорошо. Ты молодец, — спокойно заключила Нелли, поцеловав сына в лоб. — Ну, иди на кухню, а то ничего не останется. Ты же знаешь какая у тебя прожорливая сестра.

Мальчик одарил мать тёплой улыбкой и поспешил в коридор вслед за маленькой Настей, но уже стоя за порогом спальни, неожиданно обернулся.

— Мама, ты правда не влипла ни в какую историю? Те люди, которые приходили к нам домой действительно журналисты?

— А как же? И если ты по-прежнему ничего не скажешь отцу, то совсем скоро узнаешь, как важно, что они у нас были.

— Ты не хочешь, чтобы он всё испортил, так? — всё ещё настороженно спросил сын.

— Всё верно, милый. Скоро наша жизнь круто изменится, и я не позволю никому обрушить то, к чему мы идём.

Семён ничего не понимал, поскольку мать не удосужилась посвятить его в те дела, что творились вокруг семьи Долматовых, но голос её звучал убедительно, заставляя поверить в искренность каждого произнесённого ею слова. Вчера днём их посетили двое людей с телекамерой и прочими техническими примочками. Он знал, что про них готовился сюжет для известного ток-шоу, но не понимал, зачем всё это было нужно. Нелли заботливо огородила его от излишней информации, не считая нужным открывать перед юнцом такую важную информацию, тем более пока ещё ничем не подкреплённую. В душе она так же как и Вера сомневалась в правдивости всего происходящего, но всё равно следовала тем предписаниям, которые были в завещании отца. Ничего другого ей не оставалось.

Когда они выходили из квартиры, Михаил всё ещё дрых без задних ног. Она всегда поражалась его безмятежной отрешённости от происходящего вокруг. Но в этот был весь Михаил, с его скрипучими недостатками и тленным зябким существованием. Нелли уже давно свыклась с творившимся в их отношениях хаосе, понимая, что вечно так длиться не могло, и рано или поздно всё сведётся к своему логическому завершению. Он, как и раньше останется жить в этой вонючей квартире, полной клопов и тараканов, а она непременно выберется куда-то наверх, оставив мужа вариться в котле собственных глупостей и прозябания. И это в последнее время никак не выходило у неё из головы.

Во дворе царил лёгкая осенняя прохлада. Отовсюду сновали толпы пешеходов, спешащих на работу или в учебные заведения. Бородатый дворник привычно махал метлой вокруг деревьев, сгребая опавшую листву в небольшие кучи. Мамочки с колясками вели своих детей в детские сады, а те капризно переговаривались между собой, ведя беседу детскими писклявыми голосками. В переполненных машинами стоянках томно курили мужчины пока прогревались их автомобили. Солнце пробивалось через крыши домов, не успевших вырасти до тех пор, когда заполнили бы всё небо.

Семён и Настя шли впереди, дружно взявшись за руки. Нелли держалась чуть в стороне для того, чтобы дым от её дешёвой сигареты не попадал на детей. Курить на голодный желудок было для неё привычным делом. Так начиналось её утро. Сначала она провожала детей в школу, а затем сворачивала за угол, уходя в сторону большого серого здания с треугольной крышей, где по утрам и вечерам мыла полы.

Но на сегодня на работе она взяла отгул. Позвонила сменщице и попросила поработать за неё. Ведь сегодня был именно тот самый день. День, который изменит её жизнь навсегда.

Вернувшись во двор собственного дома, она не спешила подниматься наверх. Она знала, что ждало её там. Небритая рожа Михаила, изнывавшего от похмелья. Как же хорошо, что она утаила о его существовании и ничего не рассказала редактору. Та непременно захотела бы взять у пьяницы интервью, а может и вовсе, пригласила бы в студию. Нет, такого позора она бы не вынесла. Ни за что!

И тем не менее необходимо было вернуться домой, привести себя в порядок и выдвинуться вместе со всеми Долматовыми в студию федерального канала, для того чтобы отработать финальный сценарий покойного отца, заготовленного специально для них. Что на этот раз взбрело в голову старику не знал никто. Когда-то много лет назад они расстались на очень неприятной ноте, поэтому рассчитывать на хорошее времяпрепровождение не приходилось. Но всё же после завершения съёмок их ожидал огромный бонус, ради которого они и согласились на участие в шоу, так что пришлось подчиниться обстоятельствам, сжав зубы и забыв обо всём.

Как только Нелли заперла за собой входную дверь, она почувствовала присутствие в квартире мужа. Тот действительно был на кухне, уныло сидя на расшатанном табурете и поедая недоеденный кем-то из детей бутерброд. Непотушенный окурок лежал в недавно вымытой пепельнице, испуская от себя тонкую струйку дыма. Окна кухни были наглухо закрыты, отчего становилось трудно дышать. Женщина стремительно пронеслась мимо мужа и настежь распахнула окно, впуслав поток свежего утреннего воздуха.

— Я не понял, а почему ты не на работе? — угрюмо обратился к ней муж. — Выходной, что ли?

— Тот же самый вопрос и тебе, — вместо приветствия, ответила Нелли, устремив в его сторону злостный взгляд. — Сколько можно сидеть дома? Петруха говорил с прорабом? Тебя возьмут?

Чередa сложных вопросов не могла уместиться в пустой голове Михаила, отчего он лишь истошно фыркнул в ответ. В эту минуту они обоюдно ненавидели друг друга. Она его за то, что он постепенно превращал их жизнь в ад, а он её за то, что она смела разевать против него свою пасть, живя в его квартире на птичьих правах вместе с малолетними детьми, рождёнными от других мужиков. Багаж взаимных претензий накопился у обоих, заряжая воздух неистовым напряжением.

— Опять будешь мне день глаза мозолить, — раздражённо прошипел Михаил, и тут же добавил: — Дай на пивас, горло промочить.

— Дома ни крошки хлеба, Миш. Имей уже совесть, в конце-то концов. До зарплаты целая неделя.

Мужчина сделал кислую мину и отрешённо покачал головой.

— Вот баба дурная. Неужели не видишь как мне хреново? Подыхаю я.

— Вчера, небось, хорошо было, — огрызнулась Нелли.

Она не хотела снова ссориться с мужем, тем более в такой день. Ему незачем было знать о её делах, поэтому она попыталась усыпить его бдительность. Она покопались в своей сумочке, после чего протянула ему мятую мелочь.

— На, держи. Только постарайся не нажраться как вчера, ладно?

Мужчина сразу же переменялся в лице, на котором заиграла кривая улыбка.

— Вот спасибо тебе, родная, — уже более приветливо произнёс он. — Дай бог тебе здоровья.

Взяв деньги, он мигом вышел из кухни, наспех оделся и вышел из квартиры, оставив жену в полном одиночестве. Та лишь жалко покачала головой, наблюдая за оживившимся мужем, который отправился в ближайший магазин за бутылочкой дешёвого спиртного. Как же легко было расположить его к себе. Всего лишь нужно было налить сто грамм, и он становился совершенно другим человеком. Так и выглядела она — алкогольная зависимость.

Через пару часов Михаил неожиданно появился на пороге квартиры, изрядно выпивший и хмурый. От счастливого выражения лица не осталось и следа. Теперь он снова принял облик угрюмого пьянчуги, коим был в последние несколько месяцев их жизни. Нелли в это время готовилась к передаче, достав из шкафа своё самое новое платье и постаравшись с помощью косметики подправить глаза.

— Ты куда это намылилась? — раздался громкий хриплый голос мужа. — На гулянку, что ли?

— Отстань, Миш. На работе телевидение приезжает. Просят быть всем штатом в полном составе.

— Телевидение, — задумчиво повторил Михаил. — Какое ещё нахрен телевидение, когда дома ни крошки хлеба? Ты в холодильник давно заглядывала? Вали в магазин. Я жрать хочу!

Женщина испуганно посмотрела на него.

— Миш, перестань. Говорю же, телевидение приезжает. Будут делать кино о нашей организации. Ну и что, что я уборщица? Сказали быть всем, значит так надо.

— Глянь-ка, морду разукрасила. Если б ты не сказала, то я решил бы, что ты на свиданку собралась. Вырядилась как шлюха!

— Да что с тобой, я не пойму? Ты сегодня как с цепи сорвался.

— А может мне не нравится, что моя баба жопой перед другими вертит, — заявил он, подчёркивая свои слова резкими жестами. — Дай-ка я тебе помогу морду подкрасить. Ну...

Он стал к ней быстро приближаться, вытянув руки перед собой. Нелли испуганно отпрянула назад. Она хотела вскочить со стула, но его руки уже вцепились ей прямо в волосы. Женщина вскрикнула от резкой боли.

— Причёсочку подправим. Вот так, — рявкнул он, стараясь вырвать из головы клочок волос.

Нелли с силой вцепилась в руки Михаила, стараясь вырваться из его хватки, но сделать это никак не получалось. Он старался причинить ей как можно больше боли, играя головой жены словно мячом. Она неистово закричала, стараясь побороть пьяное тело мужа.

— Ублюдок! Тварь! — кричала она, подкрепляя слова ударами по его лицу.

Наконец ей удалось вырваться из его объятий и отпрянуть к стене. Михаил глядел на неё словно зверь, готовый заново броситься на жертву.

— Что на тебя нашло, Миша? Как так?

— Я лишь хотел сделать тебя ещё красивее, чем ты есть, дорогая, — запыхавшись, прошипел он, слизывая кровь с разбитой губы. — Дай ещё чуток подправлю.

С этими словами он снова ринулся на неё, занося над головой вялый кулак. Нелли ничего не успела сообразить, как её ослепила яркая вспышка перед собой. Голова отлетела назад, ударившись затылком о стену. Женщина провалилась в небытие. Потеряв сознание, она осталась неподвижно лежать на полу, пока её муж шарил по потрёпанной сумочке и порванному кошельку. Найдя ещё немного мелочи, он снова вышел из квартиры, не удосужившись проверить состояние жены.

Нелли провела без сознания ещё около часа, пока не пришла в себя из-за неугомонного рингтона, исходившего от её телефона. Открыв глаза она с ужасом обнаружила, что все внутренности её сумочки были разбросаны по полу вместе с играющим телефоном. Она протянула руку вперёд и подтянула его к себе. На экране светился незнакомый номер.

— Алло, — еле слышно произнесла она.

— Нелли. Мы у подъезда. Скорей выходите. Начало через сорок минут.

Голос принадлежал редактору, которая все эти дни с них не слезала. Женщина неуютно поморщилась, ощущая лёгкую припухлость в области глаза.

— Дайте мне минуту, пожалуйста, — произнесла она и, не дожидаясь ответа, отключила телефон.

Нелли с трудом смогла подняться. Голова всё ещё кружилась, а перед глазами стоял образ пьяного мужа, заносящего над головой кулак. Она осторожно сгребла разбросанные вещи в кучу и переложила их обратно в сумочку. Кошелёк оказался пуст. Ничего, — подумала она, — пусть довольствуется этой жалкой мелочью. Скоро я забуду об этом кошмаре раз и навсегда, а он останется и дальше гнить в этой вонючей квартире.

Закончив с сумочкой, она наконец поднялась на ноги и осторожно приблизилась к зеркалу. Как она и думала под левым глазом красовался фиолетовый синяк, а под ним была слегка вздутая щека.

— Спасибо, муж, что подправил мою внешность, — грустно произнесла она, глядя на своё отражение в зеркале. — Так я выгляжу гораздо лучше.

6 глава. Красный свет прожекторов

Красный минивэн стоял возле самого подъезда, как раз напротив ветхой лавочки, на которой днём и ночью дежурили соседские старушки, перебивавшие местные сплетни. Когда на улице появилась Нелли с большими тёмными очками на глазах, они притихли, устремив свои любопытные глаза на чрезмерно нарядную женщину. Этим днём им будет о чём пощebetать, поскольку красная щека слишком сильно выделялась на её белом лице, что не могло ускользнуть от их пристальных взглядов. Чувствуя на себе их внимание, Нелли молча прошла мимо, забыв поздороваться.

— Здрасьте, — услышала она слабый старушечий голос за спиной, но оборачиваться не стала.

Подойдя к минивэну, она распахнула заднюю дверцу и просунулась внутрь. Там её уже ждали брат и младшая сестра. Редактор сидела впереди, на глаз примеряя размер своих очков с очками Нелли.

— Что с тобой? — беспокойно спросил Вадим, первым заметивший опухшую щёку.

Нелли захлопнула дверцу и устало откинулась на сиденье. Машина тронулась с места.

— Нелли, не молчи. Этот козёл опять поколотил тебя! — гневно негодовал брат.

— У вас проблемы с мужем? — спросила редактор, из-за плеча поглядывая на женщину.

— Что произошло?

— Давайте не будем разбирать мои дела с мужем. Это наше семейное дело.

Вера сочувственно прижалась к сестре.

— Глаз совсем плох, — сказала она, заглядывая под очки. — Надо бы чем-то замазать.

— В студии работают отличные гримёры. Не беспокойся. Они быстро приведут тебя в порядок, — заверила редактор.

— Я в порядке, — отозвалась Нелли, поправляя очки. — Давайте уже сделаем то, ради чего мы здесь сегодня собрались. Плевать на синяк, на плохое настроение. Лишь бы всё удалось, и мы смогли получить наши деньги.

— Так и будет, — пообещала редактор.

— Надеюсь.

— Всё зависит только от нас, — вступил Вадим, кивая на Веру. — Если никто из нас троих сегодня ничего не учудит, то вскоре мы сможем купаться в папочкиных деньгах. И уж я-то настроен очень серьезно. А вы?

— Я да.

— И я тоже, — пообещала Вера, с серьёзным видом вглядываясь ему в ответ.

Женщина редактор довольно хлопнула в ладоши.

— Отлично! Закатим им шоу!

Все переглянулись между собой и заулыбались. Нелли потянулась к обоим, и они дружно взяли за руки, как в детстве, когда вместе играли в какую-нибудь игру. Атмосфера ожидания постепенно разряжалась. Редактор больше не лезла к ним со своими разговорами. Она видела, что лучше всего договориться между собой у них получается, когда они находятся рядом друг с другом. И сейчас был именно тот момент. Момент согласия и всеобщей поддержки.

Машина остановилась напротив Останкинской башни на открытой платной парковке. Все разом вывалились на улицу. Редактор повела их через подземный переход, кишачий толпами людей. Несмотря на то, что час пик ещё не наступил, народа под землёй было почти как в метро. Редактор уверенно вела их куда-то сквозь толпища людей, пробираясь через лабиринты подземных коридоров. Запоминать дорогу было делом бесполезным. Лишь знающий человек

мог свободно передвигаться по Останкинским переходам, не волнуясь быть потерянным среди круговорота спящих тел.

К удивлению прибывших вышли они совсем не к телевизионной башне, являвшейся неизменным символом телерадиовещания Москвы, а совсем в другой стороне. Здание, в которое их привела редактор было совсем невзрачным, серым и ничем не выделявшимся среди прочих столичных высоток. Его коридоры излучали холод, а люди внутри носили маски безразличия, сновая отовсюду словно в кишасщем муравейнике.

Поднявшись на лифте на четвёртый этаж, они оказались в просторном помещении, похожим на больничные покои. Такие же кушетки, столики, вялые растения в обширных вазах, а также наличие охраны в медицинских масках около некоторых дверей. Вероятно, закрытые двери, около которых столпились охранники, вели в ту самую студию, в которой и происходили съёмки знаменитого ток-шоу. Но редактор повела их не туда. Вместо огромной усыпанной огнями студии, они оказались в крошечной гримёрке, в которой находилось всего одно рабочее место.

— Нелли, придётся побыть пока тут, — холодно объявила редактор, указывая женщине на один единственный стул перед огромным зеркалом. — Сейчас тобой займётся гример.

— А мы? — недоуменно спросил Вадим.

— Сейчас я и вас отведу. К сожалению, я вынуждена вас разделить. Каждому из вас будет отведена отдельная комната ожидания, в которой вы проведёте остаток времени до начала съёмки. Не волнуйтесь, ждать придётся не долго. Примерно через минут пятнадцать-двадцать всё начнётся. А тебя, Нелли, сначала приведут в порядок. Вы всё поняли?

— Да, конечно.

Единственным, кто немного запаниковал, была Вера. Она не хотела покидать сестру и разделяться с братом. Оставаться одной в эти минуты перед неизвестностью ей было страшно.

— Можно я останусь с сестрой? — обеспокоенно спросила она, с надеждой глядя на редактора.

Та лишь отрицательно покачала головой.

— Извини, Вера. Таковы правила.

— Всё будет хорошо. Скоро мы все встретимся в студии, — поспешила успокоить её Нелли.

Женщина всё равно не спешила покидать примерную комнату, но тут брат, взяв её за локоть, стал легонько подталкивать к выходу.

— Пойдём, Вера. Не стоит всех задерживать.

Они ушли, и Нелли осталась одна. Сняв очки, она уставилась в своё отражение в зеркале, разглядывая синеву, окружившую глаз. Щека почти не болела. Жалкое подобие лица смотрело на себя не мигая, изучая очертания покоробленной физиономии. Некогда она сама себе нравилась, всего каких-то десять-пятнадцать лет назад. Казалось, это было ещё вчера. Но время пролетело неумолимо быстро, забрав с собой часть красоты, унаследованной от матери. Теперь уже ничего не напоминало о той девушке, которая любила смотреться в зеркало. Вместо неё отражение выдавало суровую искажённую реальность, на которую было больно смотреть. Да ещё и муж постарался, придав ещё больше брутальности её лику.

Спустя пару минут в комнату вошла молодая девушка гримёр. Она без стеснения подошла к ней сзади и пристально посмотрела в отражение.

— Да уж, тут нужно поработать, — задумчиво произнесла она, принимаясь раскладывать на столе переносную косметичку.

В её присутствии сразу стало как-то неуютно. Нелли почувствовала подступившую волну стыда за то, что выглядела не очень. Но девушке было всё равно. Она скоротечно делала своё дело, машинальными движениями распыляя пудру на её лице. Вскоре женщина отметила, что

морщин на её измученном лице стало гораздо меньше, а синяк заметно помутнел, став менее заметным.

— Полностью убрать синеву не удастся, — как бы извиняясь произнесла девушка. — Но выглядеть будете гораздо лучше. Как вам?

— Очень хорошо. Спасибо, — выдохнула Нелли, оценивая новую внешность.

— Сейчас ещё немного, и будет готово.

Мягкая кисточка вновь скользнула по лицу женщины, щекоча мелкими ворсинками. После нескольких лёгких движений она отстранилась и заново спросила у Нелли:

— Ну? Как теперь?

— Замечательно. — Она не смогла сдержать улыбки. — Вы просто волшебница.

— Ну что вы. Я просто учусь, — кивнула ей девушка и принялась собирать со стола косметические принадлежности.

Дверь в гримёрку снова открылась и на пороге возникла редактор, сверкая своими огромными очками.

— У вас всё? Пошли со мной, Нелли.

Женщина встала со стула.

— Уже? — взволнованно спросила она.

— Пока ещё нет. Съёмка начнется через восемь минут, а пока надо подождать свой выход в специальной комнате.

Женщина надеялась снова увидеться с братом и сестрой, но в тесной комнате, в которую её отвела редактор был лишь небольшой диван и висевший на стене двадцатидюймовый монитор, на котором узнавались очертания студии знаменитого ток-шоу. Редактор её оставила, и она села перед маленьким экраном, вглядываясь в безлюдную картинку. Поначалу кроме пары операторов в кадре не было никого, но спустя какое-то время студия стала наполняться людьми. Сначала прибыла массовка, заполняя места в зрительном зале, а затем и эксперты, для которых были выделены специальные места.

Нелли с интересом разглядывая происходившее на экране, представляя, как вскоре окажется в центре театральных событий знаменитой программы. Она не знала будут ли зрители разглядывать припухлость на её щеке, или же она вовсе обойдётся минимальным вниманием к своей персоне. Ощущение тревоги её не покидало. Захотелось позвонить сестре, спросить, как она там, но вовремя вспомнила что им нельзя контактировать. Тогда Нелли решила написать смс. Достав телефон и отыскав контакт сестры, она принялась лихорадочно набирать текст, но чей-то голос её одернул.

— Придётся оставить телефон здесь. И это не обсуждается. — Голос принадлежал редактору, снова возникшей из ниоткуда.

— Я лишь хотела справиться у сестры о её самочувствии, — пожала плечами Нелли, убирая телефон в сторону.

— С ней всё хорошо. Она находится в такой же комнате, что и эта и ждёт своего часа. За неё не нужно волноваться. Я только оттуда.

— Ясно. Как думаете, что там будет?

— Всё, что и обычно. Сначала ведущий расскажет предысторию сегодняшней передачи, затем вызовет одного из вас. Кстати, это не вы. Режиссёр хочет, чтобы первым вышел ваш брат. Они поговорят, разберут пару моментов, а затем вызовут вас. Всё стандартно. Не стоит волноваться.

— Да просто как-то непривычно.

— На твоём месте я думала бы о наследстве, которое выпало на вашу долю, а не забивала голову пустыми переживаниями. Это шоу непременно должно выстрелить. Только подумать, жили себе люди жили, ничего из себя не представляли, добра наживали, деток кормили, в

школу водили, и тут на тебе: многомиллионное наследство от бросившего свою семью отца, который сто лет назад уехал в Америку. Это ли не сенсация?

— Не знаю. Наверное.

Нелли впервые задумалась о том, что действительно эта история могла быть достойна широкого освещения не только на ток-шоу, но и на прочих передачах отечественного телевидения. А почему бы и нет? Ведь и правда, если посмотреть со стороны, то вся эта ситуация кажется просто невероятной. Не зря и она, и Вера до сих пор не могли до конца осознать и поверить во всё происходящее с ними. А кто бы смог? Но факт оставался фактом. Она была здесь, сидя в комнате ожидания перед монитором, освещавшим знаменитую студию федерального канала, с напудренное лицо в ожидании своей очереди перед выходом в ток-шоу. Это казалось невероятным, но всё же происходило на самом деле, и происходило именно с ней.

— Я пойду. Хотела проверить, всё ли в порядке.

— Лучше почаще заглядывайте к Вере, — обеспокоенно попросила Нелли. — Её нельзя надолго оставлять одну. Пожалуйста.

— Конечно. Всё будет хорошо, — заверила редактор, и вышла из комнаты.

Внезапно студия на экране телевизора поменяла цвет. Вместо обычного освещения она наполнилась темно-красными тонами. Свет прожекторов стал блуждать по помещению, перекачиваясь по заполненным рядам зрителей. Никакой музыки слышно не было, хотя сидя дома перед телевизором она всегда предшествовала началу шоу. В зал вышел ведущий Корней Пилатов, любимец публики и светский прохиндей. Чей-то строгий голос за кадром скомандовал через динамики громкоговорителя:

— Пошли аплодисменты! — И зрители в студии стали массово хлопать в ладоши.

Всё было не так как она это видела дома. Всё было по-другому. Неестественно.

— Корней, где ты ходишь? Ты должен стоять посередине, а сам топчется где-то в стороне, — снова раздался властный голос за кадром. — Давайте заново.

Ведущий что-то недовольно пробормотал себе под нас, но всё же выполнил распоряжение властного человека, переместившись на новую позицию. Свет прожекторов заново забегал по зрительским рядам.

— Хлопаем! Хлопаем! Первые ряды, активнее!

Нелли с интересом наблюдала за тем, что происходило по ту сторону экрана. Ей не верилось, что скоро сможет оказаться среди гостей, и что внимание телекамер будет приковано именно к ней. Она снова вспомнила о синяке под глазом, который сегодня утром поставил ей Михаил. Как всё это не вовремя, — сетовала она, слегка касаясь пальцами щеки. Злость на мужа новой волной накрыла её. Ей непременно хотелось ему отомстить, но ещё больше женщину волновало то, что скоро все увидят, как сильно ей досталось. И пусть передача была совсем о другом, она всё же хотела заранее перед всеми извиниться.

Ведущий Корней Пилатов на самом деле был там, стоя перед аплодирующей публикой в своей любимой позе победителя. Его неповторимая харизма по-прежнему была при нём. Сверкавшие белоснежные зубы, чётко подогнанный костюм, уверенная осанка. Да, она его узнавала. Он был точно таким же, каким был каждый будний вечер внутри её старого телевизора. Только на этот раз его присутствие отличалось тем, что он был всего в каких-нибудь паре десятков метров от неё за одной из этих четырёх стен. Думая об этом, она улыбалась.

Она не хотела предстать перед многомиллионной аудиторией в качестве нищей неудачницы, которой систематически достаётся от пьяного мужа. Она хотела казаться всем другой, более возвышенной, чем это было на этом свете. Она хотела быть как все гости шоу: красивой, статной, непоколебимой. Но что они увидят на самом деле? Что увидит Корней Пилатов? И тут она решила переиграть шоу под себя. И плевать что они будут обсуждать наследство отца. Она выйдет к ним с гордо поднятой головой, и пусть только посмеют над ней посмеяться.

Мысли сменялись одна за другой, пока их не прервал чёткий голос ведущего Корнея Пилатова, заговорившего глядя прямо в центральную камеру:

— Дефолт 1998-го года похоронил в своих руинах немало бизнесменов, как на старте своей карьеры, так и на её бурном подъёме. Так, обанкротившийся московский предприниматель Виктор Долматов, лишился всех своих сбережений, потерял прибыльное промышленное предприятие и, не справившись с тяжким грузом потерь и лишений, бросил жену вместе с детьми и уехал в Соединённые Штаты Америки. Там он сумел оправиться от ударов судьбы, и начал жить заново, обретя на новом поприще новую возлюбленную и построив бизнес империю в эмиграции. Прожив в Штатах более двадцати лет, Виктор Долматов умирает от тяжёлой болезни. Какое наследство оставил покойный миллионер брошенным в России детям, и как сложилась их судьба на родине, расскажем сегодня в ток-шоу «Семья». С вами Корней Пилатов. Мы начинаем.

Зал наполнился овациями. К горлу подступил комок и Нелли нервно сглотнула. Кажется, началось. Игра, которую затеял отец, начинала приобретать очертания.

7 глава. Прошлое

— Смотрим сюжет, — объявил ведущий, и тут же поперхнулся.

— Стоп! Стоп! — зазвучал мужской голос в левом наушнике, принадлежавший режиссёру. — Корней, обязательно надо было всё испортить, да? Давайте заново. Иди на исходную. Свет, поехали!

Недовольный ведущий сокрушённо поплёлся за кулисы, откуда намечался его выход. И снова студия погрузилась в тёмно-красные лучи прожекторов. Захлопали зрители, а на своём прежнем месте уже в третий раз за несколько минут появился ведущий Корней Пилатов, сжимая в руке блестящий микрофон. Голоса за кадром, властно отдающего распоряжения, слышно не было. Теперь он звучал только в наушниках ведущего и съёмочной группы, поэтому больше не был доступен для гостей вне студии. Тем не менее всё происходило по заранее написанному сценарию. Тот же взгляд Корнея, та же вступительная речь.

Он всё повторил слово в слово, после чего на большом экране поверху студии появился документальный сюжет об их отце. Впервые за много лет Нелли увидела фотографии и видеокадры Виктора Долматова. Она не сразу сообразила, что старик, который позировал на камеру являлся тем самым человеком, который оставил их много лет назад. Сквозь глубинные морщины проступали до боли знакомые черты лица, узнать которые было также трудно, как и поверить в то, что человек на яхте, человек с теннисной ракеткой в руках, а ещё — в дорогом смокинге на светском приёме, это всё был не кто иной, как их родной отец.

Тем временем закадровый голос комментировал:

— Успешный американский бизнесмен, долларовый миллионер и меценат русского происхождения Виктор Долматов последние годы своей жизни провёл в больничной палате, поражённый редким генетическим заболеванием. Единственной отдушиной больного старика стал сорока дюймовый телевизор, на котором были настроены российские каналы. Раз за разом пересматривая выпуски любимого ток-шоу, он мечтал о том, чтобы вернуться на родину, наладить контакты с семьёй, и стать героем одного из выпусков ток-шоу «Семья». К сожалению, этому не суждено было сбыться. Около месяца назад парализованного миллионера нашла мёртвым местная сотрудница клиники, а рядом с его телом записку, адресованную нашей передаче. В ней бизнесмен просил выполнить его последнюю волю посмертно.

Каждое слово, доносившееся до слуха Нелли проносились мимо неё. Уловить смысл слов было трудно, поскольку глаза следили за неизвестными кадрами из жизни отца, передавая множество незнакомых картинок. Чувство тревоги и того, что её обманывают, всё ещё не отпускало. Хотелось заставить в очередной раз остановить съёмку и подробнее расспросить о том, о чём конкретно говорил закадровый голос. Но голос хладнокровно продолжал читать текст, не понимая её терзаний.

— Мало кто знает, что некогда в девяностых годах прошлого века Виктор Долматов был успешным московским предпринимателем. У него была счастливая семья, любимая работа и богатое перспективное будущее. Однако дефолт 1998-го года обрушил все планы и чаяния бизнесмена, и Виктор Долматов в одночасье потерял всё. Он так и не сумел оправиться от сокрушительного банкротства, ушёл в запой, бросил семью и стал жить на улице. Но спустя время друзья сумели вытащить его из тяжёлого состояния, отправив на лечение от алкогольной зависимости в Соединённые Штаты Америки, где он и остался до конца жизни. Прожив в чужой стране несколько месяцев Виктор Долматов смог побороть пристрастие к спиртному, а также заново женился и построил новый бизнес, который впоследствии приумножился во много раз. За все годы своей жизни за границей он так ни разу не общался со своими русскими детьми. Как сложилась их судьба и смогут ли они простить его за бегство, узнаем сегодня в ток-шоу «Семья».

Нелли нервно прикусила губу. Как многого она не знала о его жизни. Пока они маялись в нищете и унылости серых будней, отец строил новую жизнь в эмиграции. Новая семья, бизнес, болезнь. Как много она пропустила.

Голос диктора стих, а картинки с изображением отца остались гореть на экране, поочередно сменяя друг друга. Зал наполнился аплодисментами. Наверное, поступила команда, но как только заговорил ведущий, все одновременно стихли.

— Я хочу позвать в эту студию старшего сына Виктора Долматова Вадима. Ему было четырнадцать лет, когда семью покинул отец. Смог ли подросток стать полноценным главой семьи и как сложилась его судьба узнаем прямо сейчас. Встречайте: Вадим Долматов!

Зал снова разразился аплодисментами. По студии шёл, нерешительно передвигая ногами Вадим, с опаской озирая присутствующую публику. Ведущий мигом указал ему на место, куда тот должен пойти. Это был глубокий кожаный диван, на котором обычно размещались герои передачи. Мужчина торопливо сел на место, отведённое ведущим, и тут же принял скорбленную позу. Его лысина блестела от пота, выдавая страшное волнение, бушевавшее в груди. Как только аплодисменты смолкли, он смог, наконец, свободно выдохнуть, однако напряжение внутри ещё оставалось.

— Вадим Викторович, здравствуйте, — бодро поприветствовал его ведущий. — Что вы можете рассказать о своём отце? Я знаю, что у вас выдалось непростое детство после того, как он покинул семью. Расскажите каким человеком был ваш отец и что вы помните о нём.

Вадим неуютно поёжился. Ему было крайне непривычно находиться по ту сторону экрана, и тем более, когда кроме множества телекамер на тебя ещё смотрели нескольких сотен глаз. Толпа с любопытством разглядывая его. Никто не смел даже слова произнести без команды ведущего. Он чувствовал на себе внимание людей, отчего становилось трудно дышать. Заметив замешательство мужчины, Корней Пилатов поспешил ему на выручку:

— Не волнуйтесь, Вадим, вас никто не будет торопить. Ненужные моменты мы вырежем, так что не бойтесь камер. Съёмка проходит в записи.

— Я понимаю, — с трудом выдавил из себя Вадим, рукой вытирая вспотевшую лысину. Пилатов поспешил дать ему платок.

— Вы готовы?

— Да. Можем начать сначала, а то я как-то растерялся?

— В этом нет необходимости. Как я уже сказал, неудачные моменты мы просто удалим.

— Я думал, всё про всё займёт от силы час, как по телевизору.

— Это всё ерунда. Передача может сниматься и несколько часов. Потом всё монтируется, урезается, и выдаётся финальный вариант длительностью в час эфирного времени. Но затягивать не будем, ладно?

В этот момент в наушнике ведущего раздался нетерпеливый голос режиссёра:

— Корней, дай знать, когда закончишь читать гостю лекцию. Мы вообще-то тут ждём.

— Вы готовы продолжить? — спросил ведущий у Вадима, игнорируя голос в ухе.

Тот утвердительно кивнул, после чего Корней Пилатов повторил вопрос:

— Расскажите зрителям каким вы запомнили отца.

— Ну, папа был человеком лёгким, целеустремлённым. Его подолгу не было дома. Мать говорила, что он зарабатывает деньги, чтобы содержать семью. Мы росли практически без него. Иногда, правда, он отвозил нас в парк на карусели, или за город на шашлыки, но таких моментов было не очень много. В основном он проводил всё своё время где-то там. Переговоры, сделки, стройка. В общем, мутил бизнес, как тогда говорили.

— То есть, ваш отец был успешным предпринимателем, — перебил его Корней. — Как вы жили в тот момент? Это ведь были девяностые. Время, так сказать, не простое. Многие семьи тогда пребывали на грани бедности. А как жили вы?

Вадим неуклюже пожал плечами, вспоминая далёкие годы своего детства.

— Да нормально мы жили. По сравнению со сверстниками, вполне достойно. Мелочь всегда звенела в кармане. Шмотки меняли часто. Нормально жили.

— То есть, отец вас полностью обеспечивал, — уточнил Пилатов.

— Можно и так сказать.

— А в семье? Какая атмосфера была в вашей семье на тот момент?

— Ну, если брать совсем уж раннее детство, то вполне себе всё было благоприятно. Мама тогда работала воспитателем в детском саду, но когда отец стал неплохо зарабатывать, то бросила работу. В этом не было никакой необходимости. Деньги были, поэтому она занималась больше нами. Как-то так.

— А ваши сёстры? Какие у вас были отношения с ними?

— Вы знаете, Корней, у нас была вполне дружная семья. Я сам ходил на секции разные. Пробовал себя в спорте, на плавание ходил. Девчонки тоже дома не сидели. Мама постоянно таскала их на разные кружки, на бальные танцы, на скрипку. Детство было вполне активным. По этому поводу ничего сказать не могу. Была у нас своя трёхкомнатная квартира. У каждого своя комната. Точнее, у меня своя, а у девчонок общая. Жили дружно, не дрались.

Ведущий почувствовал, как напряжение гостя улетучивалось на глазах. Главной его задачей было расслабить его, что сейчас и происходило. Он проделывал этот фокус в студии тысячу раз, и всегда ему это с лёгкостью удавалось. По крайней мере он постепенно усыплял бдительность гостя, и тот послушно расслаблялся, не понимая, какой подвох мог последовать дальше. Если бы ему выложили все карты сразу, то непонятно какая бы за этим последовала реакция. А так всё шло неспешно, как и должно было быть.

Нелли, слушая реплику брата, вслед за ним погружалась в пучину воспоминаний прошлого. Их детство действительно было безмятежным, каким и должно было быть у любого нормального ребёнка. В этом к их отцу никаких претензий быть не должно. Единственное, чего она по-настоящему боялась, это чтобы он не начал рассказывать о том, каким трудным был период их взросления. Ведь он кардинально отличался от той сказки, в которой они пребывали ранее.

Корней Пилатов медленно прошёлся по студии и приземлился на соседнем диване.

— Слушая вас, понимаешь, что претензий к отцу у вас быть в принципе не должно. Это так, или всё же что-то было не в порядке?

— Ну, проблемы начались после того, как отец обанкротился, — неуверенно начал Вадим, перенастраивая свой мозг на более суровые воспоминания. — Да, жить стало трудней. С тех пор как отец потерял бизнес, он стал много времени проводить дома. Слишком много времени, — почему-то добавил он, сделав на этом акцент. — Мать, как я уже сказал, не работала. Они стали ссориться. Поначалу так, мелкие придирки, но потом и вовсе безо всякого повода. Мы перестали посещать секции и кружки. В холодильнике заметно поубавилось. И тогда в один прекрасный момент отец покинул семью. Совсем. Даже ни с кем не попрощался. Просто собрал вещи и ушёл.

— А когда у него начались проблемы с алкоголем?

— После ухода. По крайней мере, пока он жил с нами он не пил.

— И куда он ушёл? Просто у нас есть информация, что Виктор Долматов какое-то время жил на улице.

— Я об этом ничего не знаю, — покачал головой Вадим, в очередной раз блеснув своей мокрой лысиной. — В то время мы практически перестали общаться. Я знаю лишь, что он жил в какой-то задрипанной общаге. Ему помог выбить комнату кто-то из друзей. К сожалению, мне не знаком круг его знакомств, поэтому точнее сказать не могу.

— А когда он уехал в Штаты?

— Этого я не знаю. — На пухлом лице появилось некое подобие ухмылки. — Я вообще об этом узнал лишь пару дней назад, когда мне позвонили ваши редакторы. Я понятия не

имел что с ним стало и где он жил. Я и подумать не мог, что мой отец является гражданином Америки, да ещё и таким состоятельным.

Толпа зрителей гулко зашумела. Люди стали беспокойно переговариваться между собой. Было не понятно, действовали они по сценарию, или же самопроизвольно. Вадим смущённо глядел на них.

— То есть, вы хотите сказать, что всё это время ничего не знали о вашем отце, — уточнил ведущий, перекидывая ногу за ногу. — И о том, что он был долларовым миллионером, вы тоже не знали?

— Нет.

— Значит, о смерти отца вы узнали непосредственно от наших корреспондентов?

— Именно так.

Толпа загудела ещё больше. Вадим беспокойно попятился назад. Ему внезапно захотелось покинуть студию, но звонкий голос ведущего заставил его вернуться в прежнее состояние:

— Вадим, после выхода этой передачи вы сможете вступить в наследство, которое завещал Виктор Долматов. Скажите, что вы почувствовали, впервые об этом услышав? Какая была ваша первая реакция, когда вам сказали, что состояние вашего отца будет разделено между вами и сёстрами?

Мужчина растерянно потупился, опустил глаза на потрёпанные от времени ботинки. Ему хотелось улыбнуться, нет, рассмеяться в лицо самодовольному ведущему. Какую ещё реакцию он ожидал от него услышать? Конечно же он был рад, и даже счастлив. Но было бы нескромно объявить об этом на весь мир, тем более, что причиной внезапного обогащения стала смерть его кровного отца. Именно по этой причине он принял скорбное выражение лица. Пусть все думают о горе, постигшем его семью. Приняв скорбную маску, он с выражением посмотрел в глаза ведущему.

— Вы должны меня понять, Корней. Это горе. И пусть мы не общались с отцом больше двадцати лет, это всё равно горе для нашей семьи. Да, были обиды, но они остались далеко позади. Всё, что осталось там, пусть забудется как страшный сон. А по поводу наследства, уготованного нам, то я приму его как извинение из-за того, в каком говне мы оказались по вине этого человека.

Кто-то из толпы зрителей возмущённо охнул. Корней тут же оживился, взмахом руки указав массовке, что для возгласов ещё не время.

— Ничего. Пусть говорит, — снова раздался голос режиссёра в ухе у ведущего. — Записываем.

— Значит, вы не держите больше зла на покойного отца за то, что он оставил вас в трудную минуту? — спокойно уточнил Пилатов, не отводя прищуренных глаз от своего оппонента.

— Бог ему судья. Я зла не держу.

Зал разразился аплодисментами. Ведущий вскочил со своего места и прошёл в центр студии. Как только всплеск рук прекратился, он громко произнёс:

— А теперь посмотрим сюжет о том, как сложилась жизнь Вадима Долматова в то время, как на другом конце Земли его родной отец строил свою бизнес-империю. Внимание на экран!

8 глава. Бедные родственники

Нелли напряглась, всматриваясь в висящий на стене монитор. В студии на экране появился смонтированный сюжет от съёмочной группы ток-шоу о жизни брата Вадима. С первых кадров стало понятно, что акцент был сделан на нищесреднем существовании сына американского миллионера. На экране появилась толстуха жена Вадима, которая вела экскурсию по их убогому жилищу, скорее напоминавшему бомжатский притон, нежели квартиру цивилизованного москвича. На экране то и дело всплывали кадры грязного пола, порванных занавесок и прочего убожества, которое они тогда успели заснять, а монотонный закадровый голос тем временем читал свой текст:

— Вот в таких неприметных условиях протекает жизнь одного из героев ток-шоу «Семья». Вадиму Долматову 37 лет. Он женат и счастлив в браке, однако не может достойно обеспечить существование супруги в однокомнатной квартире, доставшейся им по наследству от покойной матери жены. Полы местами провалились, превратившаяся в труху мебель валится и скрипит, а из шкафа торчит в грудку сваленная одежда. Всё это, как объясняет супруга сына миллионера, они наживали вместе с мужем. Однако поддерживать чистоту и порядок в доме им некогда, поскольку оба постоянно работают. Женщину не смутило даже то, что в доме на момент прибытия съёмочной группы было элементарно не убрано. И вот в таких жутких условиях протекает жизнь будущих миллионеров.

Вадим вмиг раскраснелся. Нелли чувствовала то же самое, что и брат, но ничего поделать не могла. Они сняли то, что видели. В конце концов это была его вина. Надо было лучше подготовиться к прибытию журналистов.

Дальше на экране появился главный герой сюжета. Пухлое лицо Вадима просунулось сквозь приоткрытую дверь квартиры. В руках дешёвый букет цветов. Казалось, лепестки уже были слегка вялыми. Он с самодовольным видом вручил жене цветы и чмокнул в щёчку.

— Дорогая, это тебе, — улыбаясь во весь рот, произнёс он, но почему-то при этом глядя прямо в камеру.

— Боже, ну нахрена надо было это показывать, — вновь зазвучал недовольный голос режиссёра в наушнике Корнея.

Ведущий Пилатов никак не отреагировал на слова режиссёра, неотрывно наблюдая за сюжетом на огромном экране. В кадре появилась пошарпанная кухня. Теперь Вадим и его толстая жена сидели за столом и мирно пили чай, изображая семейную идиллию. Камера то и дело переходила от них к бегающим по полу тараканам, затем снова на них и опять на облезлый пол. Зрелище было из ряда вон выходящим.

— Так мы проводим вечера, пьём чай и обсуждаем новости, — поясняла толстуха, снимавшему её оператору.

Вадим положил свою пухлую руку на ещё более пухлую руку жены, и снова посмотрел в упор в камеру, как бы вопрошая, правильно ли всё делает.

— Пусть мы живём и не богато, но зато душа в душу, — говорил он. — И никто нам больше не нужен. А по поводу денег, которые оставил нам отец, так не помешают. Будем теперь привыкать жить по-новому, так сказать, с размахом. Вот за это ему спасибо. От души!

На лице выступила самопроизвольная улыбка. Жена также сияла, глядя то на мужа, то на зрителей через призму огромного монитора.

Это было слишком жалкое зрелище. Нелли с трудом смогла взять себя в руки. Первым порывом для неё было внезапно покинуть это помещение, чтобы никто не смел изобразить её также как брата. Как они могли? Твари! — в душе негодовала она. Однако вспомнив об условиях завещания, с большим усилием сумела побороть в себе неприязненные чувства, вызванные сюжетом.

Тем временем голос редактора, стоявшего за спиной оператора, спросил Вадима:

— Что вы почувствовали, узнав о смерти отца?

Вадим задумался.

— Я его и не знал вовсе. Столько лет прошло. По правде говоря, я думал, что он давно уже коньки отбросил. Понимаете, в то время, когда мы виделись с ним, он уже выглядел не ахти. Я его запомнил осунувшимся, подавленным, с потерянным взглядом, понимаете? После того, как он покинул нашу семью, его как будто бы подменили. Это был уже другой человек. Он и приходил-то к нам всего пару раз. Да и то не к нам. — Тут он запнулся, обдумывая сказанное. — Короче, как сказала мать, папаша наш спился. Денег от него мы больше не видели. Алименты он не платил. Мать, вроде бы в розыск подавала, но из-за того, что его не могли найти мы и подумали, что, наверное, его больше нет в живых. Такие дела.

Следующий вопрос редактора остался вырезанным монтажёром. Вадим сразу перешёл к ответу, сидя в таком же положении на кухне в компании жены:

— Чего я жду от жизни? Денег жду, чего же ещё. — В этот момент он опять неприятно улыбнулся, оскалив редкие жёлтые зубы. — Раз уж так получилось, то хоть получу на старости лет моральную компенсацию. Я это заслужил. Может, если бы он тогда не упал на стакан, то всё было бы по-другому. И жили бы дальше, и нормальными людьми бы все выросли. А то вон как получилось. Хотя, если бы этого всего не было, то и наследства такого тоже могло бы не быть. Тут штука такая, не знаешь, как оно лучше.

Экран сменил картинку, поместив логотип передачи. Сюжет был окончен. Всё внимание зрителей снова вернулось к студии. Побагровевший от стыда и злости Вадим сидел скрючившись, в молчаливом негодовании взирая на потухший экран. В этот момент в его сторону были устремлены несколько сотен глаз, не считая тех, кто в ближайшее время посмотрит этот выпуск по телевизору. Впервые в жизни он чувствовал себя так паршиво.

Но ведущий Корней Пилатов не замечал изменившейся гримасы гостя. Он как ни в чём не бывало окинул тихую студию беглым взглядом, а затем снова повернулся к герою сюжета.

— Вадим, скажите, что вынудило вас принять тот образ жизни, который вы ведёте? Неужели уход отца настолько сильно повлиял на ваше восприятие действительности?

— Что вы имеете ввиду? — процедил сквозь зубы Вадим, словно испуганный зверь, загнанный в угол.

— Я имею ввиду, что те условия, в которых вы сейчас проживаете могли стать следствием ухода вашего отца из семьи? — повторил свой вопрос ведущий.

В студии повисла тишина. Нелли с ужасом смотрела на брата, который, казалось, окончательно замкнулся в себе. Никто из присутствующих не решался первым нарушить молчание. Наконец, Вадим произнёс тихим голосом, будто бы стараясь, чтобы кроме Корнея его никто не мог услышать:

— Вы сказали, что вырежете лишние моменты из передачи.

— Так и есть, — согласился Пилатов, не понимая к чему он клонит.

— Тогда уберите нахрен этот сюжет о моей семье. Я не буду принимать участие в передаче, пока вы не уберёте этот ролик из выпуска.

Пилатов был искренне удивлён. Он не ожидал такой наглости от гостя.

— Чего он там бубнит, Корней? — в сердцах негодовал режиссёр, сокрушая звук в наушнике ведущего. — Скажи ему, если не перестанет бубнить, мы прекратим съёмку, отправим их домой, и они навсегда лишатся возможности получить наследство. Скажи ему! — нетерпеливо потребовал он.

Но умудрённый опытом Пилатов не спешил накалять обстановку в студии. Он хотел сделать по-другому, пойдя более хитрым путём.

— У нас за кулисами томится младшая дочь Виктора Долматова Вера! — как можно громче произнёс он. — Как сложилась её судьба на фоне богатства отца узнаем прямо сейчас. Встречайте, Вера Долматова!

Зал вновь разразился аплодисментами, что повергло в ступор Вадима. Он не знал, как быть в этой ситуации, однако видя, что по щелчку пальца всё внимание резко переключилось с него на Веру, решил остыть, попутно обдумывая складывающуюся ситуацию. Тем временем в зал с небольшой заминкой вошла Вера, всё так же растерянно озирающаяся по сторонам. Нелли не на шутку забеспокоилась о её душевном состоянии, но видя, как к ней поспешил ведущий, ненадолго успокоилась.

— Здравствуйте, Вера. Проходите вот сюда. Устраивайтесь на диване рядом с братом.

Он заботливо проводил её к дивану, однако вместо того, чтобы сесть рядом с Вадимом, Вера почему-то переместилась на соседний диван. Вадим облегчённо вздохнул, понимая, что теперь какое-то время всё внимание студии будет приковано не к нему.

— Здравствуйте, Корней. Здравствуйте студия, — очень тихо, почти шёпотом произнесла женщина. — Я очень рада побывать у вас в гостях. «Семья» — это моя любимая передача. Я каждый вечер вас смотрю.

— И вот вы здесь в числе героев нашего ток-шоу! — торжественно поддержал её Корней в свойственной ему манере. — Спасибо, что пришли. Итак, Вера, что вы можете рассказать об отце? Каким его помните вы?

— Ну, папу я помню хорошо, несмотря на то, что я младшая дочь. Я помню игрушки, которые он нам покупал, как возил нас на речку, в парк. В принципе, я слышала всё, что говорил Вадим, и могу поддержать каждое его слово. Воспоминания об отце у меня двойственные. Раннее детство у нас было ярким, а вот дальше всё становилось только хуже и хуже. Наверное, у меня в душе всё-таки преобладает негатив к отцу, чем позитив. Не скажу, что он был таким уж плохим человеком, но его уход из семьи действительно стал для нас сильным шоком. Это изменило и нашу мать, да и нас тоже изменило.

На удивление Вера держалась гораздо лучше брата. Нелли чувствовала это, глядя на неё через призму монитора, висевшего на стене прямо перед её лицом. Если Вадим заметно нервничал, а после и вовсе сдулся под давлением неприятных вопросов ведущего, то Вера была наоборот воодушевлена присутствием в знаменитой студии. И Пилатов вовсе над ней не измывался. Они вели вполне ровный диалог. Со стороны казалось, что чем больше она говорила, тем свободней себя чувствовала. Видя это, средняя сестра немного успокоилась.

— Что вы почувствовали, когда спустя столько лет узнали о кончине отца?

— Шок, растерянность, пустоту. А вообще, я также, как и Вадим думала, что он давно умер. Во всяком случае я не сильно расстроилась. Правда. У меня больше двадцати лет не было отца, да и вообще мужской поддержки, так что я в ней попросту перестала нуждаться.

— И как сложилась ваша судьба? Семья, дети?

— Ох, Корней, я уверена, что вы знаете ответы на эти вопросы. Ваши корреспонденты пробыли у меня какое-то время, всё сняли, зафиксировали, так сказать. Живу я одна...

— Да-да, конечно. Уверен, после выхода этого выпуска возле вашего дома выстроится очередь из женихов, поскольку через несколько минут вы станете одной из самых завидных невест Москвы. А пока давайте лучше посмотрим, что сняли корреспонденты нашей передачи у вас дома. Внимание на экран.

Вера послушно заткнулась, устремив любопытный взор на огромный экран, висевший над их головами. Картинка снова пришла в движение, а из спрятанных в стенах колонок пошёл звук.

Режиссёр снова припал к микрофону, обращаясь к Корнею:

— Слишком торопишься. Надо было чуть-чуть поиграть с ней, а потом неожиданно выдать сюжет. Как ты сделал с мужиком.

Пилатов прикрыл рот рукой и тихо произнёс в миниатюрный микрофон, прикреплённый на его одежде так, чтобы его не могли услышать в студии:

— Не учи отца детей делать. Я сам знаю, что лучше и как.

— Тогда дай мне остроту. Не хватает напряжёнки.

— Умей выжидать.

То, что увидели зрители в сюжете о Вере, повергло всех ещё в больший шок, чем после фильма о Вадиме. Десятки, а может и сотни бесхозных животных, которых она приютила дали такую ужасающую картинку, от которой мурашки забегали по коже. Её дом, похожий на валящийся барак был похож на убогое подобие наркоманского притона. Всюду грязь и разруха. Смрад, исходящий от животных, казалось, передавался прямо через экран в студию. Лица массовки исказились в неприятных гримасах. Толпа начинала возмущённо гудеть, и только Вера смотрела сюжет с нескрываемым удовольствием.

Похоже, у неё и правда не всё в порядке с головой, — пронеслось в голове у Нелли, с болью в сердце наблюдавшей за странной реакцией сестры.

9 глава. Забвение

Маленькую Веру воспринимали как чертёнка. В детстве она действительно была оторвой. Не любила соблюдать общепринятые правила поведения, предпочитая, скорее, сидеть на голове, нежели подчиняться пустым указаниям старших брата и сестры. Она была взбалмошной девочкой. Это передалось ей от матери, которая, по её же словам, в детстве вела себя точно так же. Вадим постоянно удручал маленькую сестру, показывая ей, что именно он главный в семье, когда отсутствовал папа. Нелли же постоянно приходилось за неё заступаться, вступая с братом в неравное противостояние.

Однажды она вместе с другом Ваней, которому на тот момент было столько же лет, сколько и ей, решили приютить маленького бездомного котёнка. Увидев взъерошенный комочек шерсти, одиноко болтавшийся по детской площадке, они сначала его как следует подкормили, а затем тайком перенесли на лестничную площадку, поместив в домик, сделанный из обычной катонной коробки. Так у маленького котёнка появилось своё собственное жилище.

Несколько раз в день Ваня и Вера по очереди навещали маленькое существо, всякий раз принося с собой что-нибудь из съестного. За котёнком следили и другие дети, но настоящими опекунами всё-таки считались именно они. Кто-то даже умудрился повесить ему на шею красную ленточку, что выделяло его из общей массы котят, шастающих вблизи их дома. Ни Вадим, ни Нелли об этом ничего не знали. Это был секрет, тайна, которую ни в коем случае нельзя было раскрывать. И так длилось почти две недели.

Местная ребятня, естественно, знала о существовании мелкого питомца на лестничной площадке. Да и Вадим часто слышал по ночам слабый писк из подъезда, проникавший через тонкие панельные стены его спальни. Через какое-то время он обо всём узнал. Сговорившись со средней сестрой, они решили проучить непослушную сестрицу, используя в качестве шантажа того самого котёнка. На следующее утро, когда дети снова пришли к самодельному домику оказалось, что он был пуст. Истошный плач маленькой Веры распространился на весь подъезд. На звуки плачущей сестры пришёл Вадим.

— Чего ревьешь, дурёха? Весь подъезд на уши подняла, — недовольно фыркнул подросток, дёрнув её за плечо. — Что у тебя случилось, говори давай?

Сквозь слёзы девочка попыталась объяснить старшему брату о том, что произошло, но из-за непрерывного рыдания слов было почти не разобрать.

— Я тебя не понимаю. Говори нормально, — грубо потребовал Вадим, с серьёзным видом нависая над сестрой.

Но девочка никак не могла остановиться, истерично всхлипывая при каждом вдохе. Тогда он обратился к Ване, который приткнулся к стене:

— А ты чего тут скребёшься? Видишь, что с малой сделал? Говори, чего ревёт.

Ваня не мог произнести ни звука. Ещё когда фигура Вадима возникла на лестнице, он заметил, что на руке у него висело странное украшение, от которого он не мог никак оторвать взгляд. Яркая красная ленточка свободно болталась на его кисти. Именно на неё мальчик молча и указал. Увидев перед собой протянутую руку с выпученным в его сторону указательным пальцем, Вадим с силой ударил по ней кулаком.

— Я тебе шшяс палец твой сломаю! — зло прошипел он, озирая мальчика сверху вниз. — Устроили тут притон домашних животных. Всю площадку пообсцыкали. И ночью пищит как резаный.

— Что? — не поверила своим ушам Вера. — Так это всё ты сделал, — сквозь слёзы произнесла она, и тут же потребовала: — Отдай его! Отдай!

Она с силой вцепилась в руку брата, намереваясь содрать с кисти красную ленту, но тот резко одёрнул руку, отчего девочка пошатнулась и чуть не упала.

— Всё. Поигрались и хватит. Нет больше вашего котёнка. Его Нелли в канаве утопила.

— Не правда! Отдай! Отдай! — продолжала реветь девочка, пытаясь снова и снова выхватить красную ленту из руки брата.

Но он как будто специально издевался над сестрой. То корчил дразнящую гримасу, то показывал язык, то болтал красным матерчатым локоном перед её лицом, ясно давая понять, что все они находятся полностью в его власти. А девочка продолжала сокрушённо реветь, не переставая делать попытки выхватить заветный лоскуток.

— Никому ты не расскажешь. Мама тебя слушать не станет, а папы больше нет.

И тут неожиданно ему в руку вцепилась чья-то младенческая рука. Ловко сорвав ленту с кисти Вадима, Ваня тут же передал её девочке, а сам хотел было ломануть наверх в квартиру, но сильная рука подростка остановила дерзкого смельчака.

— Ах ты чёрт! — в бешенстве взревел Вадим, подтягивая его к себе за воротник.

— Беги! — в отчаянии крикнул Ваня, изо всех сил пытаясь вырваться из рук подростка.

И девочка тут же понеслась вниз по лестнице, сжимая в кулачке красную ленту, с таким трудом добытую в неравной схватке со старшим братом. А Ваня остался там, получая удары от четырнадцатилетнего подростка. И как больно ему не было в тот момент, он ни на секунду не пожалел о том, правильно ли поступил.

Сопротивляться было бесполезно. Вадим превосходил Ваню на полторы головы, да и разница в возрасте была слишком велика. Мальчик молча терпел летящие на него удары, слабо прикрывая голову руками. Так он и стоял, прижавшись к стене, съёжившись, в ожидании очередного страшного удара от разъярённого подростка. Через какое-то время он и вовсе опустился на пол. Стерпев ещё несколько оплеух, вдруг тяжело задышал. На холодной плитке показались багровые капли крови, сочащиеся из его носа. И тут забияка Вадим отступил, решив, что на сегодня с него хватит. Однако если на сегодня он закончил, это ещё не означало, что завтра избиение не повториться. И он повторилось.

В этот день маленькая Вера не решилась пожаловаться на брата маме. Не то чтобы она этого не хотела, просто мать была не в состоянии выслушивать претензии дочери. Она была смертельно пьяна, как и днём ранее, как и днём позже. Она уже целую неделю не слезала со стакана, ровно с того дня, как ушёл муж Виктор. И это было только началом падения семьи Долматовых.

Пока зрители в зале охали и ахали от удручающей картинки на экране, закадровый голос ровно читал текст:

— На этих кадрах вы видите нечеловеческие условия, в которых уже много лет проживает дочь американского миллионера русского происхождения Вера Долматова. По признанию самой Веры, такую жизнь она выбрала сама, поскольку все родственники от неё отвернулись, а богатый отец так никогда и не интересовался ею. Трудно поверить, но девушке всего тридцать два года, хоть и выглядит она на все сорок плюс. Тяжёлые условия проживания сделали из неё мученицу, ищущую отдушину в спасении бездомных животных.

На экране появилась Вера. Сидя на колодке для колки дров, она говорила, глядя прямо в камеру:

— Это жильё мне выделили после учёбы. Я являюсь сиротой, а сиротам положено своё жильё. Вот администрация мне и выделила этот барак. Тут конечно же окраина, даже отшиб, можно сказать, но я не жалуюсь. Живу тут уже почти пятнадцать лет. Как-то так. — Кадр поменялся. Теперь Она сидела в другой позе. — Туалет на улице. Ванной в доме нет и никогда не было. Все гигиенические процедуры приходится выполнять на улице. Если сильно холодно, то обхожусь без них. За столько лет привыкла уже...

Она всё говорила и говорила, повергнув студию в тихий ужас. Даже Корней Пилатов отложил в сторону свои картонные листки-подсказки и молча взирает на происходящее дей-

ство в сюжете их съёмочной группы. Сотни облезлых кошек, грязь и тухлая мебель — это были слишком плачевные условия для жизни одинокой женщины, что и вызвало такую волну возмущения в студии. Как только сюжет подошёл к концу, он вынужден был успокоить негодовавшую массовку.

— Студия, тишина! Тишина, я сказал! — повысив голос, потребовал Пилатов.

Постепенно люди стали смолкать. Вадим угрюмо уставился на сестру, а она как ни в чём не бывало улыбалась всем, чей взгляд ловила на себе.

— Могла бы и прибраться, — с вызовом в голосе прошипел брат. — Живёшь в каком-то сарае.

И его слова услышал каждый, кто находился в этот момент в студии. И снова посыпались недовольные возмущённые возгласы из зала, но только теперь все они были адресованы не Вере, а в сторону Вадима. Пилатов беспомощно замахал руками.

— Дай уже кому-нибудь из них микрофон. Пусть выпустят пар, — велел режиссёр.

Корнею ничего не оставалось делать, как последовать его совету. Он подошёл к галдящей толпе возмущённых зрителей и протянул усатому мужчине в белой футболке свой золотистый микрофон.

— Я хочу сказать этому мужчине, который позволяет себе так критично отзываться о родной сестре, что прежде всего та ситуация, в которой она оказалась, это и его вина тоже. — Несколько человек поддержали его слова аплодисментами, и тогда, приободрившись, мужчина продолжил. — Только что мы все смотрели сюжет о том, как проживает он со своей дорогой супругой. И знаете что? Его квартира мало чем отличается от жилища этой женщины. Там такой же бардак, извините за выражение, — срач, грязь под ногами, немытая посуда и прочее, прочее, прочее. И у него ещё хватает наглости что-то говорить в сторону сестры. Уму не постижимо.

Он ещё хотел что-то сказать, но ведущий вернул микрофон на место и, поднявшись на пару рядов выше, протянул его пожилой даме, которая также неистово негодовала от реплики Вадима.

— А вы что скажете? Вы тоже считаете, что старший брат не имеет права критиковать сестру?

— Да посмотрите же на него. Алкаш, вылитый алкаш. У него вместо одежды на теле какая-то непонятная ткань. Губы дрожат, глазки бегают. Он ещё хуже её. И ещё рот свой открывает. И вообще, какая жизненная несправедливость, Корней. Какое им наследство? Они его либо на водку спустят, либо отдадут мошенникам. А ведь на эти деньги сколько можно было бы спасти больных детей? Это ж надо так...

— Ну, это уже не нам с вами решать, — произнёс Пилатов, возвращая микрофон себе. — Такова была воля усопшего, тем более родного отца.

Но женщина привстала, несогласная с мнением ведущего. Видя напор, с которым она к нему потянулась, он снова дал ей слово.

— Не соглашусь с вами, Корней. Если бы их отец, тот самый долларовый миллионер увидел до какого состояния довели себя его дети, то вряд ли бы захотел оставлять им свое имущество. Это ж какими людьми надо быть, чтобы так убого проживать свою жизнь? Стыда у вас нет, дорогие мои. Не заслужили вы такой радости.

Толпа громко зааплодировала, поддерживая слова женщины. Корней, решив, что для начала достаточно, поспешил спуститься вниз к гостям. Вадим бестолково окидывал тучным взглядом шумную толпу. Он искренне не мог понять, чего они так возбудились. Решив на время прикусить язык, он скрестил на груди руки и откинулся на спинку дивана, приняв позу обиженного ребёнка. В это время Вера хлопала в ладоши вместе с остальными. Она до конца не понимала суть творящегося балагана, поэтому делала то же, что и остальные.

— Вам есть что возразить, Вадим? — спросил ведущий, вернувшись на исходную позицию.

— Я ничего не буду говорить. Я понял, вы это специально подстроили. Хотите закатить шоу. Что ж, не буду вам мешать.

Толпа возмущённо загудела, и Корней в очередной раз поднял руку вверх.

— Тишина в студии! — Он терпеливо выждал пока последний возмущённый зритель не смолкнет, и только потом продолжил, вернувшись к Вере: — Вера, кого вы вините в том, что оказались в таких неприглядных условиях? Мы видим, что условия, в которых вы оказались, просто катастрофичны. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Мне некого винить, Корней. Ни брата, ни сестру. Мы уже давно стали сами по себе, ещё с тех самых пор, как оказались в детском доме.

— К детскому дому мы ещё вернёмся. Но, всё же хотелось бы уточнить: вы, ваш брат Вадим и средняя сестра Нелли. Все ли из вас оказались в таком бедственном положении, или кто-то живёт чуть лучше?

Тут женщина слегка задумалась.

— Но ведь скоро всё изменится, правда? Мы ведь теперь миллионеры.

В студии повисла гробовая тишина. Ни ликований, ни возмущений слышно не было. Да и что можно было возразить? Вера глупо улыбалась в то время, как Пилатов обдумывал следующий вопрос.

10 глава. Расспрос с пристрастием

Находясь в комнате ожидания для гостей программы Нелли отчётливо понимала, что всё происходящее по ту сторону экрана никак не вписывалось в её представление о том, как должно было быть. А может всё так и было запланировано? Может быть всё идёт по заранее написанному плану? Во всяком случае это никак не умещалось в голове. И этот ужасный сюжет о Вадиме, представившего его публике как отпетого тунеядца и пройдоху. И тот страшный ролик про дом Веры, который больше походил на фильм ужасов, нежели на что другое. Что же будет дальше? Они ведь ещё не показали сюжет про неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.